DK
262
.A2x
no.4

Альфредъ Фулье

Факторы національнаго характера

на 10 коп.

Книго-
дательство
„Кадима"
Одесса

Альфредъ Фулье
Факторы
національнаго
характера
Цѣна 10 коп.
Н. Соломоновъ
Книго-
издательство
„Кадима"
Одесса
М. Пиковскій

HAROLD B. LEE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

DK
262
.A2x
no. 4

Альфредъ Фулье.

ФАКТОРЫ НАЦІОНАЛЬНАГО ХАРАКТЕРА

Переводъ съ французскаго.

Книгоиздательство „КАДИМА".
ОДЕССА.
1906.

Дозволено цензурою. Одесса. 4 Ноября 1905 г.

ОДЕССА.
Типографія Торговаго Дома Г. М. Левинсонъ, Ришельевская. 17

HAROLD B. LEE LIBRARY
BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
PROVO, UTAH

I. Коллективный детерминизмъ и идеи-силы (idées-forces) въ національномъ сознаніи.—II. Различныя проявленія національныхъ характеровъ. —III. Физическія основы національныхъ характеровъ. Конституція и темпераментъ.—IV. Расы.—V. Естественный и соціальный подборъ.—VI. Среда и климатъ.—VII. Соціальные факторы.—VIII. Предвидѣніе въ психологіи народовъ.

I.

Мы не живемъ ужъ въ то время, когда Юмъ писалъ слѣдующее: „Если вы хотите познать грековъ и римлянъ, изучайте англичанъ и французовъ; народы, описанные Тацитомъ и Полибомъ, вполнѣ походятъ на тѣхъ, которые окружаютъ теперь насъ". Когда Юмъ ссылался на Тацита, Полиба и Цезаря, чтобы доказать, что человѣкъ повсюду остается однимъ и тѣмъ-же, онъ не замѣчалъ, что уже народы, описанные этими историками, представляли самые разительные контрасты—каждый обладалъ уже, наряду со своими личными достоинствами, недостатками, которые могли бы навести на мысль о „вырожденіи", въ то время, какъ это было лишь началомъ. Тацитъ описываетъ намъ германцевъ, съ крупными бѣлыми тѣлами, флегматичными, съ голубыми суровыми глазами и рыжеватыми волосами, съ геркулесовской силой, обжорливыми, питающимися мясомъ и сыромъ и возбужденными крѣпкими напитками; склонными къ грубому и безпорядочному пьянству, одержимыми страстью къ игрѣ, съ холоднымъ темпераментомъ, не расположенными къ любви, съ относительно чистыми (для дикарей) нравами, съ культомъ домашняго очага, съ грубостью въ манерахъ, но отмѣнной честности; любящими войны, сводолюбивыми, вѣрными товарищами на жизнь и на смерть, склонными къ кровавымъ распрямъ и придерживающимися наслѣдственной мести. Тацитъ несомнѣнно сдѣлалъ описаніе германцевъ нѣсколько романическимъ, имѣя тайный умыселъ дать урокъ римлянамъ; но мы и въ этомъ портретѣ тѣмъ не менѣе узнаемъ ту оригинальную расу, о которой онъ сказалъ: *propriam et sinceram et tantumsui similem gentem*. Этотъ портретъ совершенно противоположенъ тому, который нарисовалъ намъ Цезарь, описывая галловъ, съ большими бѣлыми тѣлами, съ тѣми же ясными, суровыми глазами, съ тою же физической силой, но болѣе смѣшанной расы; съ моралью „подвижные въ совѣтахъ, любящіе революціи", легко рѣшающіеся, подъ вліяніемъ ложныхъ слуховъ, на поступки, о которыхъ затѣмъ будутъ сами сожалѣть, мгновенно рѣшающіе дѣла первостепенной важности; первая неудача совсѣмъ обезкураживаетъ ихъ точно такъ же, какъ первая побѣда воспламеняетъ ихъ; они готовы предпринимать войны безъ всякой причины, въ тоже время они безхарактерны и бѣдны энергіею въ минуту несчастія; они одержимы страстью ко всякаго рода авантюрамъ, устремляясь на Грецію и Римъ просто изъ удовольствія повоевать; впрочемъ, благородные, гостепріимные, откровенные, привѣтливые, но легкомысленные и непостоянные, тщеславные, легко увлекающіеся всѣмъ блестящимъ, обладающіе тонкимъ умомъ и насмѣшливостью, любовью къ сказаньямъ и ненасытнымъ любопытствомъ ко всему новому, преклоняющіеся предъ краснорѣчіемъ, обладающіе поразительными даромъ слова и легко поддающіеся вліянію чужой рѣчи. Какъ отрицать, послѣ подобныхъ описаній, устойчивость національныхъ типовъ на пространствѣ исторіи? Характеръ

зависитъ въ значительной степени отъ наслѣдственной конституціи, которая въ свою очередь зависитъ отъ расы и отъ среды.

Невозможно, безъ сомнѣнія, втиснуть народъ въ одно опредѣленіе; потому что весь народъ представляетъ не только индивидуальныя различія, но и провинціальныя и мѣстныя. Фламандецъ не похожъ на марсельца, бретонецъ на гасконца. Существуетъ такое смѣшеніе въ расахъ, какъ и такое общеніе между идеями одного народа и другого, что въ каждой націи можно найти индивидуумовъ, которые могли бы съ большимъ успѣхомъ принадлежать и къ сосѣдней націи какъ по своему физическому типу, такъ и по моральному. Но психологія народовъ занимается средними величинами, а не индивидуумами. А можно ли отрицать, что въ среднемъ, даже съ самой крайней точки зрѣнія, можно узнать англичанина по его физіономіи? И какъ не быть точно такъ же внутренней физіономіи французскаго духа, англійскаго духа? Можно ли отрицать, что разсматриваемые въ общемъ и съ точки зрѣнія своего коллективнаго духа, французы имѣютъ нѣчто общее, независимо отъ того, фламандцы ли они или марсельцы? Есть, такимъ образомъ, національный характеръ, который свойственъ большему или меньшему числу индивидуумовъ, но который существуетъ и тогда, когда не удается найти его у данныхъ индивидуумовъ или у данныхъ группъ.

Національный характеръ въ дѣйствительности не простая сумма индивидуальныхъ характеровъ. Въ нѣдрахъ общества, такъ хорошо организованнаго, какъ нація, въ родѣ нашей, непремѣнно происходятъ между индивидуумами взаимодѣйствія, которыя приводятъ къ общей манерѣ чувствовать, думать и желать, сильно отличающейся отъ той, какая можетъ быть у отдѣльныхъ умовъ и даже у суммы этихъ умовъ. Національный характеръ не есть просто средній типъ, который получился бы, если бъ можно было прпмѣнить къ умамъ способъ, рекомендуемый Гальтономъ для лицъ, и получить коллективный или „генерическій“, родовой образъ. Лица, воспроизводимыя фотографіею, не имѣютъ дѣйствія и не суть причины, между тѣмъ какъ національный духъ имѣетъ дѣйствіе, отличное отъ индивидуальныхъ дѣйствій, способное оказать родъ давленія и принужденія на самихъ же индивидуумовъ; онъ не только слѣдствіе, онъ и причина въ свою очередь; онъ не только созданъ индивидуумами, но и создаетъ ихъ. Кромѣ того, коллективный и средній типъ современныхъ французовъ, напримѣръ, не даетъ полнаго представленія о настоящемъ французскомъ характерѣ, потому что каждый народъ имѣетъ свою исторію, свои вѣковыя традиціи и потому, что онъ состоитъ, по извѣстному выраженію, столько же изъ мертвыхъ, сколько и изъ живыхъ. Французскій характеръ резюмируетъ физическія и соціальныя дѣйствія, совершавшіяся на пространствѣ вѣковъ, независящія отъ современнаго поколѣнія, налагающія на него свой отпечатокъ черезъ посредство національныхъ идей, національныхъ чувствъ и національныхъ учрежденій. Индивидууму приходится выносить на своихъ плечахъ тяжесть всей исторіи въ своихъ отношеніяхъ съ согражданами. Подобно тому, какъ нація, какъ опредѣленная соціальная группа, имѣетъ существованіе, отличное (хотя и не отдѣлимое) отъ существованія индивидуумовъ, точно такъ же и національный характеръ выражаетъ эту особую комбинацію психическихъ силъ, внѣшнимъ выра-

женіемъ которыхъ является національная жизнь. Можно составить себѣ представленіе о продолжительныхъ реакціяхъ, производящихся въ нѣдрахъ народа, путемъ изученія, какъ это дѣлаютъ въ наши дни многіе психологи, мгновенныхъ реакцій, обнаруживающихся въ средѣ извѣстнаго собранія или толпы. Когда индивидуумы, помѣщенные въ *различныя* психологическія условія, воздѣйствуютъ одни на другихъ, между ними происходитъ частичный обмѣнъ, говоритъ Тардъ, приводящій къ компликаціи, усложненію внутренняго индивидуальнаго состоянія; когда же эти же индивидуумы оказываются воодушевленными одной *общей* страстью, когда они, какъ, напримѣръ, въ толпѣ, обмѣниваются тождественными впечатлѣніями, эти впечатлѣнія, суммируясь, достигаютъ высшей степени интенсивности; вмѣсто *компликаціи* внутренняго индивидуальнаго состоянія наступитъ «*усиленіе*» этого же состоянія у всѣхъ. Въ этомъ состоитъ отличіе аккорда, согласія, отъ унисона, единогласія. «Толпа, говоритъ Тардъ, имѣетъ простую и глубокую силу широкаго унисона». Если секты и касты даютъ самыя полныя характеристики толпъ, то это потому, что члены этихъ узкихъ группъ „выражаютъ въ обществѣ всю совокупность своихъ мыслей и вѣрованій“, которыя, благодаря одному только факту близости, увеличиваются до безконечности. Можно было бы прибавить, что народы, когда ихъ воодушевляетъ одно чувство, напримѣръ, національная честь или забота о національной самозащитѣ, могутъ довести это чувство до пароксизма. Кто не знаетъ, что простое сложеніе индивидуумовъ не даетъ еще умственнаго мѣрила общества или толпы? У послѣдней рѣшенія подсказываются и опредѣляются чаще всего чувствами, общими всѣмъ, и эти чувства обыкновенно самыя простыя, самыя примитивныя, совсѣмъ не соотвѣтствующія высшимъ ступенямъ цивилизаціи. По Сигеле, Лебону и Тарду, люди, приведенные въ состояніе толпы, имѣютъ, съ интеллектуальной точки зрѣнія, меньшую цѣнность, чѣмъ они имѣютъ каждый въ отдѣльности. Интеллигентные присяжные выносятъ нелѣпые вердикты, коммиссіи, состоящія изъ артистовъ или выдающихся ученыхъ, отличаются „удивительными заблужденіями“; политическія собранія вотируютъ мѣры, противныя индивидуальнымъ убѣжденіямъ членовъ, ихъ составляющихъ. „Нашъ интеллектуальный и моральный капиталъ“, говоритъ Тардъ, „раздѣляется на 2 части, одну—несообщаемую, *не способную обмѣниваться*, которая, измѣняясь отъ индивидуума къ индивидууму, составляетъ оригинальность и собственную цѣнность каждаго; и другую—*способную обмѣниваться*, состоящую изъ этихъ страстей, и изъ этихъ безсознательныхъ чувствъ, общихъ всѣмъ людямъ извѣстнаго времени, извѣстной страны. Именно „вымѣниваемый капиталъ“ накопляется въ толпѣ на счетъ другого.—Однако, замѣтимъ, что, если чувства толпы часто бываютъ грубы, то они могутъ быть также и благородны; но въ послѣднемъ случаѣ, это всегда чувства элементарныя и самопроизвольныя, имѣющія въ своей основѣ коренящуюся въ человѣческой природѣ любовь къ ближнему и составляющія нравственность толпы.

Организованная толпа всегда играла важную роль въ жизни народовъ, но эта роль, по Лебону, никогда не была такъ значительна, какъ въ современной демократіи. Безсознательное дѣйствіе толпы, замѣняющее собою сознательныя дѣйствія индивидуумовъ, является, по

его мнѣнію, одной изъ главныхъ характерныхъ чертъ нынѣшняго вѣка и современныхъ народовъ. И хотя онъ крайне невысокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ толпы, въ томъ числѣ и избирательныхъ собраній, тѣмъ не менѣе онъ заявляетъ, что было бы опасно касаться ихъ современной организаціи, а въ особенности ихъ права избирательнаго голоса. Не въ нашей власти, говоритъ онъ, совершить глубокія преобразованія въ соціальныхъ организмахъ: только одно время обладаетъ подобнымъ могуществомъ; толпа, безъ сомнѣнія, всегда будетъ безсознательной, но въ этой безсознательности, быть можетъ, и таится секретъ ея силы. Въ природѣ существа, подчиненныя исключительно инстинкту, совершаютъ акты, поразительная сложность которыхъ насъ удивляетъ; разумъ—слишкомъ новая еще вещь у человѣчества, чтобы открыть законы безсознательнаго и особенно чтобы замѣнить его.—Но, добавимъ мы, разумъ, по крайней мѣрѣ, долженъ руководить имъ. Впрочемъ, мы не можемъ согласиться съ Лебономъ, что толпа, съ психологической точки зрѣнія, есть „воображаемое существо“, образованное изъ разнородныхъ элементовъ, соединившихся на мгновенье, „совершенно такъ же, какъ клѣточки, составляющія живое тѣло, образуютъ своимъ соединеніемъ новое существо, обнаруживающее свойства, совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыя были присущи каждой изъ этихъ клѣточекъ въ отдѣльности“. На нашъ взглядъ, Лебонъ зашелъ слишкомъ далеко. Между простой суммой или среднею величиною, выведенною изъ этихъ свойствъ и „созданьемъ новыхъ свойствъ“, есть средина: признаніе взаимной реакціи, которая, не приводя къ созданію новыхъ свойствъ, не есть однако просто сумма старыхъ. И эта взаимная реакція не порождаетъ „психологическаго существа“, хотя бы и „воображаемаго“, но создаетъ оригинальную и болѣе или менѣе продолжительную комбинацію.

Въ націи реакціи безконечно сложнѣе и не имѣютъ того скоропреходящаго характера, какимъ отличаются вспышки толпы или страсти собранія. Въ этомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ метафизическомъ, нація есть существо постоянное. Точно такъ же нельзя судить о народѣ на основаніи послѣдовательнаго изученія индивидуумовъ, изъ которыхъ онъ, въ дѣйствительности, состоитъ; нужно постигнуть самое соединеніе, а не отдѣльные элементы. Хотя они и опредѣляютъ условія цѣлаго, однако приведеніе ихъ во взаимодѣйствіе создаетъ специфическія явленія и специфическіе законы; но это, впрочемъ, не означаетъ, что оно создаетъ новое существо.

Чтобы объяснить, въ чемъ состоятъ соціальныя реакціи, Гюйо и Тардъ выдвинули явленія внушенія, болѣе или менѣе аналогичныя гипнотизму, явленія, возникающія въ обществѣ всякаго рода: въ толпѣ, въ собраніи, въ народѣ. Тардъ, вмѣстѣ съ Тэномъ, опредѣляетъ человѣческій мозгъ, какъ органъ, повторяющій и умножающій наши воспріятія: каждое изъ нашихъ воспріятій, каждая изъ нашихъ мыслей воспроизводится и размножается до безконечности, на пространствѣ извилинъ сѣраго вещества, и мозговое дѣйствіе можетъ быть разсматриваемо, какъ „вѣчное самоподражаніе“. Если умственная индивидуальная жизнь есть внушеніе, оказываемое одной клѣточкою на другую, то соціальная жизнь есть внушеніе, оказываемое одною личностью на другую. Общество, а слѣдовательно и нація, можетъ быть опредѣлено, какъ „коллекція существъ, поскольку они расположены

къ взаимному подражанію". Ребенокъ съ самаго рожденія подражаетъ отцу во всемъ и копируетъ его; по мѣрѣ того какъ онъ растетъ и видимо эмансипируется, мы видимъ, какъ въ немъ развивается все большая и большая потребность подражанія: безчисленные „гипнотизеры" приходятъ на помощь первоначальному гипнотизеру, который нѣкогда одинъ только имѣлъ на него вліяніе. Въ то же время, самъ того не подозрѣвая, онъ и самъ становится гипнотизеромъ по отношенію къ безконечному числу гипнотизируемыхъ: это и есть то, что Тардъ называетъ переходомъ отъ *односторонняго къ взаимному* гипнозу. „Соціальное состояніе, какъ и состояніе гипнотическое, есть только родъ иллюзиціи. . . .

Имѣть только внушенныя идеи и считать ихъ самопроизвольными, это иллюзія, свойственная сомнамбулѣ, а также и соціальному человѣку".

Не заходя такъ далеко, чтобы думать, что въ дѣйствительности существуетъ между индивидуумами одного народа гипнотическое внушеніе, или что почти все въ этомъ народѣ находится какъ бы въ состояніи сна,—можно и должно допустить цѣлый рядъ вліяній между мозгами индивидуумовъ, приводящихъ къ образованію чувствъ и идей, объясненіе которыхъ не находится уже только въ одномъ индивидуумѣ, ни даже въ простой суммѣ индивидуумовъ, а во взаимной зависимости однихъ индивидуумовъ отъ другихъ, а также и отъ тѣхъ, которые имъ предшествовали. Только въ этомъ смыслѣ, по нашему мнѣнію, и существуетъ національный „организмъ", т. е. такая солидарность, что объясненіе части должно искать въ цѣломъ, такъ же какъ объясненіе цѣлаго въ его частяхъ.

Состоянія сознанія отдѣльныхъ частей могутъ отражаться на общемъ сознаніи, но не непосредственно: они начинаютъ съ того, что дѣйствуютъ одни на другихъ въ силу тѣхъ отношеній, которыя приводятъ ихъ въ соприкосновеніе, и только въ результатѣ этого взаимодѣйствія измѣняется въ большей или меньшей степени національный духъ. Послѣдній, собственно говоря, находится исключительно подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ условій, въ которыхъ находится соціальное тѣло во всей своей совокупности. И эти условія суть уже не тѣ особыя условія, въ которыхъ находятся индивидуумы. Нужно поэтому тщательно различать національныя условія и индивидуальныя; характеръ націи зависитъ непосредственно отъ первыхъ и косвенно отъ вторыхъ. Есть такимъ образомъ различныя степени соединенія, образующія цѣлую іерархію, между силами, производящими соціальную комбинацію, столь же новую, какъ образованіе воды изъ кислорода и водорода.

Вся нація имѣетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, собственное сознаніе и собственную волю. Это—соціологическая истина, забываемая узкими системами, политико-экономическими и политическими, психологическими и моральными, которыя, подъ общимъ названіемъ индивидуализма, приводятъ къ настоящему соціальному атомизму. Мы не хотимъ здѣсь реализовать абстракціи, искать подобно нѣкоторымъ соціологамъ, какъ напр. Новиковъ или Вормсъ, у народа «душу», свое «я».

Это—вопросъ первичной философіи и даже метафизики, мы его не касаемся. Но подобно тому, какъ у каждаго индивидуума есть извѣстная система идей-чувствъ (*idées-sentiments*), которыя въ то же время являются и идеями-силами (*idées—forces*), выражаю-

щимися въ его сознаніи и направляющими его волю, точно такъ же онѣ имѣются и у націи. Среди идей, управляющихъ различными индивидуумами, есть такія, которыя имѣютъ отношеніе исключительно къ тому обществу, членами котораго эти индивидуумы являются, къ цѣлому, часть котораго они составляютъ. Эти идеи представляютъ собою результатъ и воспроизведеніе въ каждомъ изъ насъ соціальныхъ дѣйствій и реакцій, которыя мы со своей стороны совершаемъ и испытываемъ. Каждый французъ имѣетъ свое особое назначеніе въ націи, и какъ бы ни были индивидуальны его собственные интересы или его обязанности, они всегда болѣе или менѣе связаны съ интересами и обязанностями Франціи; мы поэтому не можемъ не имѣть въ своемъ мозгу представленій объ общемъ благѣ и объ общемъ идеалѣ, болѣе или менѣе точно понимаемомъ, болѣе или менѣе относящемся къ намъ самимъ, какъ къ центру перспективы. Оттого-то въ совокупности умовъ и сознаній и имѣется система идей, отражающая соціальную среду, точно такъ же, какъ есть система идей, отражающая физическую среду. Въ этомъ и состоитъ коллективный детерминизмъ, часть котораго находится въ насъ, а другія части во всѣхъ остальныхъ членахъ общества. Эта система идей, взаимно зависящихъ одна отъ другой, и представляетъ собою сознаніе націи, которое находится не въ коллективномъ мозгу, но во всей совокупности индивидуальныхъ мозговъ и, которое тѣмъ не менѣе не есть простая сумма индивидуальныхъ умовъ.

Эта систематизація „идей-силъ“ во взаимной ихъ зависимости объясняетъ, кромѣ національнаго сознанія, и «національную волю», которая, подобно всякой волѣ, осуществляетъ въ большей или меньшей степени моральный идеалъ. Вѣдь только путемъ узурпаціи, избиратели страны, или, что еще хуже, избирательнаго округа, нерѣдко прикрываютъ свои вотумы именемъ національной воли. Здѣсь имѣется только практическій субститутъ, весьма односторонній и не полный, которымъ однако довольствуются до созданія новаго порядка, но который не имѣетъ характера мистическаго «суверенитета», выдвинутаго демагогами. Въ самомъ дѣлѣ, національный характеръ далеко не всегда наилучшимъ образомъ выражается толпой, или тѣмъ, что называется чернью, ни даже дѣйствительнымъ большинствомъ. Есть естественные избранники, которые лучше всего выражаютъ душу всего народа, его сокровеннѣйшія мысли и его настоящую волю. Это слишкомъ часто забываютъ наши политики. Даже Руссо училъ, что часто бываетъ «большая разница между волею всѣхъ и общею волею»: первая только сумма воль, изъ которыхъ каждая можетъ имѣть своимъ предметомъ особый интересъ; только одна вторая представляетъ общій интересъ. Однако, можно, пожалуй, сказать, что она представляетъ тенденцію всей націи, произведенную системой идей и чувствъ, управляющихъ послѣдней; индивидуальные умы суть факторы этой національной воли, но ни одинъ изъ индивидуумовъ, въ дѣйствительности, не обладаетъ ею. Индивидъ никогда не знаетъ своей собственной воли, если подъ ней подразумѣвать систему идей и чувствъ, управляющихъ имъ; тѣмъ болѣе онъ не можетъ познать національную волю, которая имѣетъ въ качествѣ своихъ составляющихъ всѣ индивидуальныя хотѣнія, даже правильнѣе ихъ взаимодѣйствія, и ихъ равнодѣйствующую. Эта равнодѣйствующая идетъ всегда далѣе, чѣмъ

каждый индивидуумъ въ отдѣльности предвидѣлъ и хотѣлъ. Національную волю поэтому никогда нельзя узнать, даже у избранниковъ, даже у величайшаго генія, хотя бы у самого Наполеона. Только бездушіе открываетъ вполнѣ истинное направленіе національнаго движенія, которое можно только предвидѣть съ большею или меньшею вѣроятностью на основаніи исторіи прошлаго и на основаніи современнаго состоянія націи.

II.

Огюстъ Контъ разсматривалъ отдѣльнаго индивидуума, какъ нѣчто абстрактное, и это былъ также одинъ изъ принциповъ Гегеля. Экономисты, съ своей стороны, настаивали на значительной солидарности интересовъ, потребностей, способовъ производства, распредѣленія и потребленія, солидарности, которая, по выраженію Маркса, приводитъ къ историческимъ формамъ собственности и опредѣляетъ организацію труда. Но есть еще болѣе тѣсная солидарность,—именно та, которая, какъ мы видѣли, устанавливаетъ взаимную зависимость между мыслями, чувствами и побужденіями. Концепція національности не есть такимъ образомъ ни чисто психологическая и этнографическая, ни чисто экономическая. Національная индивидуальность сказывается прежде всего въ психологическихъ признакахъ: въ языкѣ, религіи, поэзіи, искусствѣ, памятникахъ, мнѣніи, которое нація имѣетъ сама о себѣ, и мнѣніи, которое составилось о ней у другихъ народовъ, наконецъ въ геройхъ и историческихъ представителяхъ; исторія народа открываетъ также его характеръ, при условіи тщательнаго изученія различныхъ моментовъ и выведенія того, что называется «исторической средней». Встрѣчаются, дѣйствительно, въ продолжительной жизни народа періоды, когда, благодаря особому стеченію обстоятельствъ, произведенія умственнаго, моральнаго и художественнаго творчества пріобрѣтаютъ характеръ, который далеко не соотвѣтствуетъ обычному генію націи; но, если вы возьмете среднюю большого числа различныхъ періодовъ, то результатъ будетъ представлять вѣрное изображеніе національнаго характера.

Языкъ, самъ по себѣ, не есть признакъ, достаточный для этого характера, такъ какъ онъ можетъ быть и заимствованъ. Однако, даже въ этомъ случаѣ, сравненіе первобытнаго языка съ языкомъ развитымъ даетъ возможность распознать тенденціи, свойственныя націи, всегда налагающей свою печать на свой языкъ.

Болѣе или менѣе сознательныя представленія народа о происхожденіи и природѣ вселенной, точно такъ же какъ и о смыслѣ и цѣнности жизни, неизбѣжно дѣйствуютъ на его мораль, его счастье, его характеръ; отсюда вліяніе не только религіи, но и философіи и литературы; отсюда ихъ важность для психологіи народовъ.

Поэзія часто вскрываетъ душу народа, по крайней мѣрѣ, его самыя сокровенныя стремленія. Однако, она не всегда можетъ разгадать его характеръ, его поведеніе, его предназначеніе. Англійская поэзія указываетъ намъ мечты, чувства, сущность англійской фантазіи; но кому она помогла предсказать ходъ англійской исторіи? И особенно, если вы обратитесь къ поэзіи половины или четверти вѣка, то вы не сможете, какъ этого хотѣли бы нынѣшніе пророки «латинскаго вырожденія», вывести изъ нея какія бы то ни было заключенія о всей націи и объ ея будущемъ.

Въ національномъ характерѣ слѣдуетъ различать чувства, умъ и волю. Чувства, со своей физіологической стороны, зависятъ преимущественно отъ наслѣдственной конституціи и темперамента. Они играютъ главную роль, какъ въ группахъ, такъ и у отдѣльныхъ индивидуумовъ. Не менѣе различаются народы и по уму, по мышленью. Существуетъ особая національная логика; каждый народъ создаетъ себѣ ее болѣе или менѣе сознательно. Одинъ предпочитаетъ наблюдать, какъ англичанинъ, другой разсуждать, какъ французъ; одинъ предпочитаетъ дедукцію, другой—индукцію. Каждый народъ имѣетъ даже свои преимущественныя ошибки, свои грѣшки въ области логики и свою національную софистику. Такимъ образомъ мы обязаны своей націи не только извѣстнымъ количествомъ опредѣленныхъ мыслей и идей, но и формой мышленія, готовыми рамками, въ которыхъ укладываются идеи, категоріями, при помощи которыхъ мы ихъ приводимъ въ извѣстный порядокъ и которыя намъ кажутся апріорными. Національный языкъ, фиксирующій и идеи, и методы, дѣлаетъ эти умственныя формы обязательными для каждаго индивидуума и принуждаетъ его придерживаться этихъ общихъ предустановленныхъ образцовъ. Можно, вмѣстѣ съ Лебономъ, классифицировать національные умы, въ зависимости отъ различной степени ихъ способности къ ассимилированію и способности къ творчеству. Первая позволяетъ постигать, удерживать и утилизировать факты, изъ которыхъ образуется совокупность искусствъ, наукъ, промышленности, словомъ, все то, что составляетъ цивилизацію; «нѣкоторые цивилизованные народы, именно *азіатскіе*, обладаютъ этой способностью въ высокой мѣрѣ, но обладаютъ *только ею* одною». Вторая позволяетъ безпрестанно расширять арену человѣческой дѣятельности; ей мы обязаны открытіями, на которыхъ покоится современная цивилизація: «только *у европейцевъ* имѣется *нѣсколько народовъ*, обладающихъ ею». Однако здѣсь нужно остерегаться слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній; недостатокъ творческаго ума зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, а не только отъ ума націи.

Основою національнаго характера, какъ и характера индивидуальнаго, является воля. Подъ волею мы разумѣемъ общее направленіе склонностей, какъ естественное, такъ и пріобрѣтенное. Совокупность тенденцій оказывается въ концѣ концовъ принимающей одно направленіе, преимущественно передъ другими, вслѣдствіе чего народъ въ разныхъ обстоятельствахъ народной и международной жизни, имѣетъ свою особую манеру опредѣлять свою волю. Со стороны даннаго народа можно надѣяться на такой-то волевой актъ скорѣе, чѣмъ на другой, на симпатію или на недоброжелательность, на мстительный духъ или незлобивый, на безкорыстныя наклонности или эгоистичныя. *Semper idem velle atque idem nolle*, говорили стоики, чтобы отмѣтить обычную манеру желанья, составляющую истинный характеръ. Даже тогда, когда нація непостоянна, она имѣетъ относительно постоянный способъ желанья, который для нея именно состоитъ въ безпрестанномъ измѣненіи своихъ волеизъявленій. Ея воля, такъ сказа ть, постоянно непостоянна. Истинный «характеръ» такимъ образомъ,—это обычная манера желать или не желать. Темпераментъ вліяетъ особенно на манеру радоваться и страдать, равно какъ и выражать чувства и хотѣнія; характеръ вліяетъ главнымъ

образомъ на самый способъ желанья чего-либо и на направленіе воли.

Темпераментъ и устройство спеціальныхъ органовъ образуютъ, такъ сказать, статику коллективнаго характера; но есть и динамика, вызывающая его развитіе: это физическая и особенно соціальная среда въ связи съ взаимодѣйствіемъ умовъ и воль. Наслѣдственная конституція тѣла и отдѣльныхъ органовъ, выражающихся въ способностяхъ дѣйствовать и чувствовать, есть центростремительная сила національнаго характера, умъ и воля—его центробѣжныя силы.

III.

Изъ предыдущаго видно, что физіологія народовъ, показывающая намъ, что есть наслѣдственнаго въ ихъ организмѣ, служитъ базисомъ ихъ психологіи. Анатомическая структура должна быть прежде всего принята въ соображеніе. Ростъ, развитіе груди, мускуловъ, нервной системы, особенно мозга, это для группъ, какъ и для индивидуумовъ, признаки конституціи, болѣе или менѣе сильной и, кромѣ того, болѣе или менѣе способной къ мускульному или умственному труду. *Таково* наслѣдственное тѣлосложеніе, *таковы* способности: мозгъ приспособленъ для *такого-то* движенія въ *такомъ-то* направленіи, а не въ другомъ. Если пренебречь исключительно высокимъ вѣсомъ мозга, встрѣчающимся чрезвычайно рѣдко (Кювье, Кромвель, Байронъ, Тургеневъ и т. д.), то мы найдемъ, что средняя у выдающихся людей не превышаетъ 100 граммъ: есть, такимъ образомъ, только *общее* отношеніе между вѣсомъ мозга и умомъ. Но это только одно недостаточное данное для оцѣнки ума, и варіаціи абсолютнаго вѣса могутъ зависѣть отъ множества причинъ, главнымъ же образомъ отъ общаго соотношенія между отдѣльными органами. То же самое нужно сказать и относительно его объема. Мозгъ полинезійцевъ въ среднемъ на 27 куб. сант. болѣе мозга парижанъ; но этимъ они обязаны своему высокому росту. Черепъ бенгалійцевъ, бѣднаго и жалкаго населенія Индостана, благодаря ихъ незначительному росту, не превышаетъ 1362 куб. сант., между тѣмъ какъ мозговая капсула у парижанъ равна 1860 кб. см.; а у полинезійцевъ —1587. Меньшей органической массѣ соотвѣтствуетъ и меньшая мозговая масса. Это одна изъ главныхъ причинъ малаго объема женскаго мозга. Несмотря на всю трудность измѣреній, объемъ, вѣсъ и особенно конфигурація мозга, равно какъ и мало извѣстныя его химическія и электрическія свойства, имѣютъ, безспорно, огромное значеніе при оцѣнкѣ мозга. Овальная и удлиненная форма мозга (долихоцефалы) или круглая и расширенная (брахицефалы)—тоже, какъ мы увидимъ, очень важна для опредѣленія подвидовъ расы; она, повидимому, указываетъ на развитіе мозга въ различныхъ направленіяхъ, которыя въ свою очередь могутъ имѣть своимъ слѣдствіемъ различное развитіе умственныхъ способностей. Даже когда мы имѣемъ дѣло съ длинными черепами, важно знать, удлиненіе ли это въ сторону лба или въ сторону затылка: развитіе лба зависитъ обыкновенно отъ развитія умственныхъ способностей, развитіе затылка отъ чувственныхъ страстей.

Кромѣ конституціи, преимущественно мозга, важно еще изучить темпераментъ народа. Антропологи, уйдя съ головою въ анатомическія сравненія и измѣренія, не удѣляютъ ему достаточно вниманія. Между тѣмъ структура тѣла еще не все; важно знать и спо-

собы и интенсивность его функцій. Извѣстно, что темпераментъ опредѣляется даже тонусомъ жизненныхъ силъ въ организмѣ и ихъ общимъ направленіямъ какъ въ сторону роста, такъ въ сторону расхода. Направленіе, которое принимаютъ накопленныя въ организмѣ силы, даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и естественное направленіе характеру, такъ сказать, полное умѣнье оріентироваться въ чувствахъ и поступкахъ. Ясно, что темпераментъ, будучи такимъ образомъ оригинальнымъ способомъ функціонированія всего организма вообще и нервной системы въ особенности, долженъ переходить по наслѣдству въ расѣ, подобно тому, какъ передаются форма и структура организма. Далѣе, модификаціи темперамента, зависящія отъ возраста, отъ перемѣнъ въ здоровьѣ, отъ постоянной реакціи воли и ума на организмъ, непремѣнно должны оказывать нѣкоторое вліяніе и на самый зародышъ. Дитя, происходящее отъ больного и хилаго отца, можетъ само быть отъ природы слабымъ; сынъ, рожденный въ старости, не походитъ на тѣхъ, которые были рождены въ расцвѣтѣ лѣтъ или въ юности; онъ унаслѣдуетъ темпераментъ, измѣненный подъ вліяніемъ лѣтъ. У народовъ темпераментъ не можетъ не варіировать, какъ и у индивидуумовъ, въ зависимости отъ свойствъ крови, мускуловъ, особенно нервовъ, которые завѣдуютъ накопленіемъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ силъ. Нѣкоторые народы, взятые въ массѣ, болѣе сангвиничны, что зависитъ не только отъ климата, но и отъ расы. Въ общемъ, сангвинники—это народы Сѣвера, хорошо питающіеся, въ виду усиленной потребности въ пищѣ, вызываемой холодной температурой, но происходящіе также, по большей части, отъ бѣлокураго населенія съ розовымъ цвѣтомъ лица и съ горячею кровью. Часто доля флегматичности умѣряетъ пылъ сангвинника. Южныя страны изобилуютъ желчными и нервно-желчными людьми, что находитъ себѣ объясненіе въ усиленномъ обмѣнѣ веществъ, вызываемомъ болѣе яркимъ и горячимъ солнцемъ. Нервные люди встрѣчаются также часто среди кельтовъ и славянъ, нервность которыхъ кажется даже характерной. Во Франціи нервная возбудимость націи почти вошла въ поговорку. Все сказанное о темпераментѣ примѣнимо къ группамъ въ такой же мѣрѣ, какъ и къ индивидуумамъ.

IV.

Три большія причины дѣйствуютъ въ обратномъ направленіи, образуютъ и поддерживаютъ конституцію и темпераментъ, а также и психическій характеръ народа: первая причина—наслѣдственность, фиксирующая расу; вторая—приспособленіе къ физической средѣ; третья - приспособленіе къ моральной и соціальной средѣ. Время постепенно удаляетъ менѣе приспособленныхъ индивидуумовъ, чтобы сохранить преимущества для тѣхъ, которые въ общемъ соотвѣтствуютъ условіямъ жизни. Первыя двѣ причины представляютъ собою физическіе факторы національнаго характера; третья—факторъ психическій и соціальный. Итакъ, въ самомъ фактѣ прогресса обнаруживается важный законъ, который можно формулировать слѣдующимъ образомъ: по мѣрѣ того какъ народъ приближается къ современному типу, дѣйствіе соціальной среды увеличивается на счетъ дѣйствія среды физической; тѣмъ больше физическіе факторы стремятся сами преобразоваться въ соціальные.

Нѣкоторыя благопріобрѣтенныя свойства, когда они достаточно

глубоко проникли въ организмъ, чтобы измѣнить темпераментъ или даже структуру, преимущественно мозга, переходятъ по наслѣдству и усиливаются у потомства. И въ народѣ тоже подъ вліяніемъ подбора создается постепенное уклоненіе отъ первобытнаго типа, и это уклоненіе есть или прогрессъ или вырожденіе. Предположимъ, что среди индивидуумовъ одного зоологическаго вида, есть одинъ, у котораго нѣкоторая опредѣленная отдѣльная черта слишкомъ сильно выражена и переходитъ нормальныя (однако, плохо опредѣленныя) границы: это измѣненіе составитъ индивидуальную особенность; но если эта особенность становится наслѣдственною, то она создаетъ расу или подвидъ расы; такъ, напримѣръ, бѣлая акація безъ шиповъ, открытая въ 1803 г. г. Друэ въ его питомникѣ Сонъ-Дени, сдѣлалась предкомъ всѣхъ бѣлыхъ акацій безъ шиповъ, въ настоящее время такъ распространенныхъ въ нашихъ садахъ. Аналогичныя явленія происходятъ и въ человѣческомъ обществѣ. То, что Брока такъ удачно назвалъ соціальнымъ подборомъ, есть постоянный факторъ, имѣющій тенденцію сохранить въ однихъ отношеніяхъ, измѣнить въ другихъ, національный характеръ, при помощи постояннаго приспособленія къ старымъ условіямъ психической и физической среды. Для того, чтобы лучше понять этотъ основной законъ, посмотримъ, что происходитъ при явленіи акклиматизаціи.

Изъ иммигрантовъ одни умираютъ, другіе выживаютъ, въ зависимости отъ степени силы сопротивленія новому климату. У этихъ послѣднихъ дѣти уже обладаютъ организмомъ, болѣе выносливымъ. Обыкновенно приводятъ, въ видѣ примѣра, аналогичный, любопытный случай приспособленія къ новой средѣ крысы и кошки въ Америкѣ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ сохраняется въ замороженномъ видѣ мясо, предназначенное для отправки въ Европу, крыса вполнѣ акклиматизировалась и размножилась, измѣнившись, подъ вліяніемъ подбора, въ животное съ толстой шерстью. Съ тѣхъ поръ ей старались противопоставить кошку, но послѣдняя очень туго привыкала къ температурѣ постоянно ниже нуля. Одинъ только видъ ея пріучился переносить такую температуру,—именно ангорская кошка, и ея потомство такъ хорошо приспособилось къ новой средѣ, что теперь ангорская кошка страдаетъ и погибаетъ въ нормальной температурѣ. Аналогичные результаты происходятъ при акклиматизаціи человѣческихъ расъ. Элементы, выживающіе въ расѣ колонизаторовъ, это тѣ, которые болѣе всего приближаются къ туземцамъ главнѣйшими особенностями своего характера, благопріятствующими приспособленію къ новому климату. Напрасно рядъ сильно отличающихся одна отъ другой расъ заимствуетъ другъ у друга въ данной мѣстности характерныя черты; въ этихъ различныхъ расахъ всегда имѣются индивидуумы, которые наилучшимъ образомъ воспроизводятъ «мѣстный типъ». Переѣхавшіе въ Америку англичане измѣняются и стремятся приблизиться къ краснокожимъ. По де-Катрефажу, американскій англосаксъ представляетъ, уже во второмъ поколѣніи, черты индѣйскаго типа, дѣлающія его похожимъ на лени-ленапповъ, ирокезовъ, черокизовъ. Железистая система сужается до minimum'а, кожа дѣлается сухой, загаръ лица и краснота щекъ замѣняются,—у мужчинъ цвѣтомъ лимона, у женщинъ безжизненной блѣдностью. Голова лысѣетъ, волосы темнѣютъ; радужная оболочка темнѣетъ; выраженіе глазъ

получаетъ дикій характеръ. Тутъ, по нашему мнѣнію, замѣчается преобразованіе сангвиническаго типа въ типъ нервножелчный, выработавшійся подъ вліяніемъ климатическихъ условій, вызывающихъ внутреннія метаморфозы; ровный въ началѣ темпераментъ становится нервнымъ. Этотъ результатъ въ концѣ концовъ вызываетъ вторичныя измѣненія, даже структуры органовъ; голова уменьшается, округляется или дѣлается заостренной; шея удлиняется, os zygomaticum и masseter развиваются: височныя впадины дѣлаются глубже, челюсти крѣпче, кости удлиняются, особенно у верхней конечности, и до такой степени, что Франція и Англія отдѣльно фабрикуютъ спеціально для С. Америки перчатки, съ особенно длинными пальцами. Гортань—велика, голосъ сиплый и крикливый. Тазъ женщины приближается къ тазу обезьяны. Самый языкъ стремится къ полисинтетизму [1]) языковъ краснокожихъ, у которыхъ онъ заимствуетъ слова-фразы и фразы-формулы. Любовь къ кричащимъ цвѣтамъ, повидимому, составляетъ другую черту подражанія; что касается характера, то измѣненія въ немъ являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ измѣненій въ темпераментѣ и организмѣ; это уже не англичанинъ, это—янки. Такъ какъ эта модификація англо-саксонскаго типа въ Америкѣ не объясняется смѣшеніемъ крови, то она служитъ признакомъ вырожденія, и часто на нее указываютъ, какъ на «регрессъ» къ типу нашихъ прародителей.

V.

Изучить относительную цѣнность народовъ по ихъ этническимъ элементамъ, взвѣсить ихъ шансы въ борьбѣ за существованіе, опредѣлить математически, если это возможно, степень превосходства господствующей части человѣчества,—вотъ надежда новѣйшихъ антропологовъ. По Аммону, де-Лапужу и Клоссону, каждая нація, съ этнической точки зрѣнія, образуется изъ цѣлаго ряда наслоеній, состоящихъ изъ элементовъ тождественныхъ, но смѣшанныхъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, измѣняющихся отъ основанія до вершины. Высшіе антропологическіе элементы могутъ находиться въ большемъ количествѣ въ высшихъ слояхъ. Морфологическій составъ классовъ различается не только по націи, но зависитъ и отъ времени. Наблюденіе показываетъ, что даже система образованія этихъ слоевъ не сохраняется. «Вообще элементы классифицируются въ такой же степени плотности, но пропорціи измѣняются въ каждомъ слоѣ, сообразно съ эпохой.»

Устраняя гипотезу иммиграціи или эмиграціи и изучая народъ, въ періодъ его прогресса, мы увидимъ, что высшіе слои обогащаются высшими элементами; если же народъ въ упадкѣ, тогда стремится утвердиться однообразіе, и высшіе элементы имѣютъ тенденцію исчезнуть отовсюду. Въ населеніи индивидуумы опредѣленной расы могутъ быть въ такой пропорціи, что число другихъ индивидуумовъ сравнительно ничтожно: «тогда говорятъ о расѣ, что эта раса—чистая». Раса, такъ понимаемая, есть понятіе зоологическаго разряда; она не имѣетъ

[1]) Полисинтетизмъ—явленіе, свойственное преимущественно американскимъ языкамъ и состоящее въ томъ, что простыя предложенія выражаются не нѣсколькими отдѣльными словами, а однимъ сложнымъ словомъ, состоящимъ изъ глагола и слитыхъ съ нимъ подлежащаго, дополненія и др. членовъ предложенія. *Примѣчаніе переводчика.*

опредѣленнаго отношенія къ языку. Слѣдуетъ такъ же точно отличать ее отъ расы политической, для которой было бы хорошо подыскать другое названіе, которая состоитъ изъ индивидуумовъ различныхъ расъ, соединенныхъ въ теченіе ряда столѣтій въ одно государство, подчиненныхъ однимъ и тѣмъ же учрежденіямъ, руководящихся однообразными взглядами. Эти «вторичныя» расы представляютъ собою смѣси, болѣе или менѣе устойчивыя, но тѣмъ не менѣе вполнѣ опредѣленныя и отличныя отъ тѣхъ, которыя тѣ же самые индивидуумы, но иначе сгруппированные, создаютъ на ряду съ ними. Эти послѣднія группы, «ethnes» или «ethnies», какъ ихъ предлагаетъ назвать де-Лапужъ, находятся по большей части въ антагонизмѣ съ зоологической расой.

Психологія расъ, входящихъ, такимъ образомъ, въ составъ народа, представляетъ наибольшія трудности. Если бы можно было изучить нѣкоторое число индивидуумовъ чистой крови и очистить общій характеръ отъ индивидуальныхъ измѣненій, то мы имѣли бы драгоцѣнныя данныя, но «чистая кровь» это идеалъ, котораго нигдѣ не найдешь. Тогда даже, когда всѣ физическія черты данной расы съ внѣшней стороны наблюдаются у даннаго индивидуума,—напримѣръ, у типичнаго норманца или у типичнаго оверна,—и тогда непремѣнно есть невидимыя черты скрещиванія, особенно въ такомъ сложномъ органѣ, какъ мозгъ. Сынъ можетъ быть живымъ портретомъ отца въ физическомъ отношеніи, не будучи похожимъ на него въ нравственномъ отношеніи. Съ другой стороны, если вы смѣшаете различныя расы въ одной и той же націи, то получатся характеры, законы которыхъ еще труднѣе будетъ опредѣлить, чѣмъ законы физическаго скрещиванія. Различныя органическія особенности родителей могутъ передаваться, каждая сама по себѣ, независимо одна отъ другой, точно такъ же, какъ одинаковый цвѣтъ глазъ, напримѣръ, не влечетъ непремѣнно одинаковой длины черепа, волосъ, или одинаковаго цвѣта послѣднихъ. Вейсманъ отчасти объясняетъ, какимъ образомъ происходятъ въ зародышѣ эти комбинаціи, чаще всего чисто случайныя. Это явленіе можно, пожалуй, сравнить съ калейдоскопомъ, въ которомъ комбинируется нѣсколько разноцвѣтныхъ кусковъ стекла, не находящихся между собою ни въ какомъ отношеніи, не солидарныхъ другъ съ другомъ. Въ морали нельзя замѣтить такого же полнаго отсутствія солидарности между различными способностями или тенденціями: энергичная воля вліяетъ на чувство и умъ, и обратно. Есть, такимъ образомъ, законы образованія характера, законы, которые мы еще недостаточно точно знаемъ и которые приводятъ къ очень сложнымъ равнодѣйствующимъ. Такая же умственная химія, какъ мы уже видѣли, замѣчается въ большихъ размѣрахъ и у народа: тамъ мы находимъ тѣ же результаты, въ большихъ размѣрахъ, но еще менѣе поддающіеся анализу.

Несмотря на эти затрудненія, психологія народовъ не невозможна, такъ какъ можетъ быть выведена путемъ наблюденія надъ индивидуумами и надъ группами. Даже съ расовой точки зрѣнія можно составить себѣ нѣчто въ родѣ довольно вѣрной схемы, для того, чтобы получить представленіе моральной физіономіи расъ. Но не слѣдуетъ забывать, что законы эволюціи имѣютъ тенденцію дѣлать старыя расы все болѣе и болѣе неузнаваемыми, какъ путемъ ихъ вза-

имнаго сліянія, все возрастающаго, такъ и путемъ увеличенія индивидуальныхъ различій, которыя способствуютъ исчезновенію стараго наслѣдственнаго *фонда*. Характеры, истинно-этническіе, обусловленные наслѣдственностью, регрессируютъ, чтобы уступить мѣсто характерамъ, все болѣе и болѣе сложнымъ и разнообразнымъ, все болѣе и болѣе индивидуальнымъ или зависящимъ отъ непосредственнаго вліянія семьи.»

Независимо отъ вліянія расы, и одинаковое соціальное положеніе особенно у первобытныхъ народовъ, способствуетъ выработкѣ одинаковыхъ нравовъ. Жизнь многочисленныхъ трибъ американскихъ индѣйцевъ представляетъ тѣ же характерныя черты, какъ и жизнь трибъ центральной Азіи, Аравіи и Европы. Дикія націи, не смотря на кровное родство, раздѣлены, говоритъ Гумбольдтъ, «на большое количество трибъ, смертельно ненавидящихъ другъ друга и никогда не вступающихъ между собой ни въ какія сношенія». Главные враги индѣйскаго племени Варрамъ, говоритъ Аппэнъ, это караибскіе индѣйцы, часто нападающіе на его территорію, уводящіе жителей въ плѣнъ и избивающіе ихъ. Указывалось, не безъ основанія, на то, что самыя разнообразныя формы организаціи встрѣчаются въ обществахъ одной и той же расы, въ то время какъ поразительное сходство наблюдается нерѣдко въ обществахъ различныхъ расъ. Народныя собранія существовали у финикіянъ, такъ же, какъ и у римлянъ и у грековъ; они встрѣчаются въ процессѣ образованія и у Кабуловъ. Патріархальная семья была почти такъ же развита у евреевъ, какъ и у индусовъ, но она не встрѣчается у славянъ. Материнская семья и кланъ наблюдаются повсюду. «Судебная процедура, брачныя церемоніи—однѣ и тѣ же у народовъ, самыхъ несхожихъ съ этнической точки зрѣнія». Слѣдуетъ ли однако отсюда выводить заключеніе, вмѣстѣ, съ Дюркгеймомъ, что «психическое богатство», вытекающее изъ этнической природы, слишкомъ обще для того, чтобы оказывать какое-нибудь вліяніе на «ходъ соціальныхъ явленій»? Если материнская семья, кланъ, судебная процедура и брачныя церомоніи встрѣчаются не всюду, то это означаетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ процессами, чисто соціальными, которые могутъ существовать у всѣхъ расъ въ однихъ и тѣхъ же соціальныхъ условіяхъ; но такъ же ли все объясняется относительно націи? Семья, безъ сомнѣнія, будетъ организована совершенно одинаково у двухъ народовъ, независимо отъ того, что одинъ будетъ имѣть склонность къ семейной жизни, а другой нѣтъ. Вѣрно ли точно такъ же,—что, повидимому, допускаетъ Дюргеймъ,—что развитіе искусствъ въ Греціи нисколько не зависитъ отъ расы, а исключительно отъ соціальныхъ условій? Можно ли думать, что негры могли бы замѣстить аѳинянъ? или же евреи, и *invicem?* Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что связывать развитіе греческихъ искусствъ съ эстетическими наклонностями, —значитъ объяснять «огонь флогистикой и вліяніе опіума усыпительной добродѣтелью». Природный геній Фидія, безъ сомнѣнія, выразился отчасти въ его шедеврахъ, и этотъ геній въ свою очередь не былъ совершенно независимъ отъ вліянія наслѣдственности и расы, къ которой принналежалъ Фидій.

«Мы не знаемъ ни одного соціальнаго явленія, которое бы зависѣло отъ вліянія расы», говоритъ Дюркгеймъ. Въ Соединенныхъ

Штатахъ, отвѣчаетъ ему Новиковъ, присутствіе $7^1/_2$ милліоновъ негровъ среди 55 м. бѣлыхъ вызываетъ серьезныя затрудненія, которыя связаны съ расой, а не со средней. Что не подлежитъ никакому сомнѣнію, это то, что вопросъ о расѣ съ ростомъ цивилизаціи, становится все болѣе и болѣе второстепеннымъ; между тѣмъ соціальная и историческая среда пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе.

По Лебону, общія всѣмъ моральныя и интеллектуальныя характерныя черты, образующія національный типъ, такъ же стойки, какъ и анатомическіе признаки, дающіе возможность опредѣлить видъ. Однако этого нельзя сказать о въ высшей степени подвижномъ и пластичномъ органѣ, называемомъ мозгомъ, этого нельзя сказать и о другихъ анатомическихъ признакахъ, какъ напр. ростъ, лицевой уголъ, цвѣтъ глазъ и волосъ и т. д.

Эволюція народовъ, какъ это хорошо выяснили дарвинисты, можетъ быть какъ коллективной, такъ и подборной. Въ первомъ случаѣ измѣняется сразу извѣстная совокупность соціальныхъ элементовъ, подчиненныхъ одинаковымъ вліяніямъ среды, климата и т. д.; во второмъ только нѣсколько отдѣльныхъ элементовъ,—которымъ ихъ спеціальная организація позволяетъ лучше приспособиться,—выживаютъ и оставляютъ послѣ себя потомство; общество трансформируется такимъ образомъ путемъ постепеннаго исключенія нѣкоторыхъ семей и нѣкоторыхъ этническихъ элементовъ. По Аммону и де-Лапужу, послѣдній случай имѣетъ огромное значеніе. Подборъ дѣйствуетъ, во всякомъ случаѣ гораздо быстрѣе среды и климата; но онъ требуетъ безчисленныхъ жертвъ: «онъ стоитъ столькихъ же жизней, сколько онъ самъ создаетъ жизнеспособности». Но не слѣдуетъ воображать себѣ, что весь народъ, въ своей совокупности, переходитъ «отъ юности къ зрѣлому возрасту, а затѣмъ къ старости», какъ говорилъ Паскаль. Народъ развивается подъ вліяніемъ естественнаго подбора, путемъ фиксированія (закрѣпленія) тѣхъ свойствъ, которыя способствуютъ сохраненію вида; когда народъ, повидимому, старится и вырождается, то это значитъ, что его лучшіе элементы уходятъ со сцены, захваченные и поглощенные низшими элементами, замѣняющими ихъ. Павелъ Брока, первый, кажется, употребилъ выраженіе *соціальный подборъ*.

«Общество,—правильно замѣчаетъ онъ,—становится главною ареною борьбы за существованіе». Война, колонизація, размѣръ прироста населенія, конкурренція за первенство въ промышленности, въ политикѣ и въ умственной жизни, таковы, по мнѣнію нео-дарвинистовъ, главные факторы подбора, происходящаго между различными народами. Что касается факторовъ подбора, дѣйствующихъ внутри одного и того же народа, то имъ являются война и военная служба, внутренія передвиженія населенія и развитіе городовъ; казни преступниковъ, существованіе нуждающихся классовъ, преслѣдованіе и соціальный остракизмъ на религіозной или другой почвѣ, политическій фаворитизмъ и политическія антипатіи, безбразіе, законы, обычаи, соціальныя и религіозныя воззрѣнья на бракъ и отношенія между полами, стремленіе возвыситься, въ ихъ отношеніяхъ къ образу жизни, и т. д. Эти факторы—главные среди тѣхъ, которые опредѣляютъ увеличеніе или уменьшеніе различныхъ элементовъ, хорошихъ или дурныхъ, и которые опредѣляютъ составъ населенія.

Такъ какъ *естественный подборъ* способствуетъ выживанію только наиболѣе приспособленныхъ, то его часто разсматривали, какъ обезпечивающій ростъ высшихъ формъ и типовъ, и уничтоженіе низшихъ. Эта концепція неправильна для животнаго міра, гдѣ приспособленіе къ дѣйствительнымъ условіямъ среды не всегда указываетъ на дѣйствительное ихъ превосходство. Въ соціальномъ мірѣ, силы, производящія подборъ, тоже дѣйствуютъ въ пользу типа, наилучше приспособленнаго къ совокупности данныхъ условій, но эти условія вовсе не сохраняютъ еще типовъ, наиболѣе нужныхъ для высшаго развитія человѣчества; часто, напротивъ, они ихъ изгоняютъ. Война и милитаризмъ, преслѣдованія, безбрачіе духовенства, созданіе болѣе роскошныхъ условій существованія, соціальныя и профессіональныя стремленія, приростъ населенія,—вотъ факторы, которые часто препятствовали усиленію высшихъ элементовъ въ физическомъ, психическомъ и моральномъ отношеніи. Точно такъ же, во взаимной борьбѣ націй и цивилизацій, «грубая сила уничтожила наиболѣе важныя расы во имя человѣческаго прогресса». Способность приспособленія къ средѣ не всегда соотвѣтствуетъ общему превосходству индивидуума и расы...

«Нѣтъ никакого основанія.... для того, чтобы въ борьбѣ за существованіе одерживалъ побѣду самый большой, самый красивый. наилучше вооруженный, самый умный. Случайныя качества, какъ бы они ни были важны сами по себѣ, не обезпечиваютъ еще успѣха въ борьбѣ: ихъ нужно принимать въ соображеніе, только на ряду съ тѣми, что устанавливаетъ соприкосновеніе между противниками. Многіе виды, хорошо одаренные, обязаны своимъ выживаніемъ не своимъ блестящимъ качествамъ, а скорѣе просто тому обстоятельству, что они менѣе подвержены интоксикаціи со стороны микробовъ. Точно также, въ борьбѣ соціальныхъ элементовъ успѣхъ худшихъ часто рѣшаетъ какое нибудь неважное достоинство, а иногда даже недостатокъ» [1]). «Въ настоящее время, по взгляду пессимистовъ, соціальный подборъ, широко замѣнившій собою подборъ естественный, дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на высшіе элементы, содѣйствуя побѣдѣ и умножая число посредственностей. Военный подборъ, напримѣръ, можетъ быть, былъ причиной выгодной сортировки у дикарей: онъ обезпечивалъ превосходство самымъ сильнымъ, самымъ храбрымъ, самымъ ловкимъ; но у народовъ цивилизованныхъ, война и милитаризмъ суть бичи, окончательнымъ результатомъ которыхъ является ухудшеніе расы; они обезсиливаютъ ее смертностью воюющихъ, а затѣмъ и смертностью не воюющихъ, жертвъ матеріальныхъ послѣдствій войны, и наконецъ уменьшеніемъ числа рожденій; здѣсь подборъ даже особенно покровительствуетъ слабымъ и хилымъ, обрекая на смерть самыхъ сильныхъ. Съ другой точки зрѣнія милитаризмъ выводитъ крестьянина изъ его обычной колеи, прививая ему любовь къ праздности, къ городской жизни и къ легкимъ удовольствіямъ. Уменьшеніе населенія въ деревняхъ и развитіе городовъ ускоряются вынужденнымъ цребываніемъ въ гарнизонахъ большого количества молодыхъ людей, которые, вернувшись къ своему домашнему очагу, испытываютъ уже отвращеніе къ своей старой жизни и возвращаются въ городъ, сдѣлавшись въ деревняхъ

[1]) De Lapouge, les Sélections sociales.

факторомъ дезорганизаціи» [1]). Политическій подборъ—быть можетъ еще хуже; онъ является величайшимъ факторомъ низости и рабства. Непосредственно или косвенно онъ разрушительнымъ образомъ дѣйствуетъ на народы. «Политика погубила Грецію, Римъ и цвѣтущія итальянскія республики. Она же была причиною гибели Польши. Въ внѣшнихъ сношеніяхъ она играетъ въ руку войнѣ, которую она поддерживаетъ... Борьба за размноженіе во всякомъ случаѣ полезна низшимъ классамъ, которые, ничего не имѣя, размножаются безъ счету, создавая излишекъ своихъ дѣтей, благодаря общественному покровительству. Будущее принадлежитъ не лучшимъ, а посредственностямъ. По мѣрѣ того какъ развивается цивилизація, благодѣянія естественнаго подбора превращаются въ лютые бичи человѣчества».

Нужно признать, что прогрессъ въ человѣчествѣ не совершается роковымъ образомъ, исключительно по волѣ «естественныхъ законовъ»; моральный прогрессъ повышаетъ нравственность индивидуумовъ, соціальный прогрессъ требуетъ, чтобы общества работали надъ устройствомъ своей судьбы, вмѣсто того, чтобы подчиняться животной борьбѣ за существованіе. Но поскольку мало наученъ былъ оптимизмъ древнихъ школъ, постольку же мало наученъ, въ свою очередь, абсолютный пессимизмъ нѣкоторыхъ дарвинистовъ, желающихъ свести исторію къ простому выраженію жизни расъ [2]).

VI.

Независимо отъ того, что историки и соціологи злоупотребляли и злоупотребляютъ еще этническими различіями въ физіологіи народовъ, они, кромѣ того, упрямо настаивали на физическомъ воздѣйствіи среды, приписывая ему иногда творческую роль; современная соціологія должна, напротивъ, настаивать на реакціи ума и воли, вызываемой одною и тою же средою. Оба эти фактора одинаково необходимы, и отъ ихъ отношенія зависитъ рѣшеніе вопроса. Вліяніе климата, напримѣръ, такъ преувеличенное Монтескье, есть только одинъ изъ факторовъ исторической эволюціи, и его дѣйствіе понятно только въ комбинаціи съ другими, съ дѣйствіемъ расы и соціальной среды. Только дѣйствуя на темпераментъ, климатъ можетъ дѣйствовать на характеръ. Азіаты, у которыхъ Гиппократъ еще до Монтескье замѣтилъ изнѣженность, обладаютъ часто желчнымъ темпераментомъ, обусловленнымъ жарою; чрезмѣрно быстрый обмѣнъ веществъ внутри организма не оставляетъ достаточнаго количества силъ для расхода во внѣ. Высокая температура вызываетъ слишкомъ быструю циркуляцію крови и жидкости, она способствуетъ выдѣленію слишкомъ большого количества водянистыхъ и твердыхъ веществъ, что дѣлаетъ организмъ менѣе способнымъ къ напряженію и труду. Возбуждая кровь и открывая всѣ поры, она сообщаетъ нервамъ и кожѣ чрезмѣрную возбудимость. Отсюда люди дѣлаются болѣе воспріимчивыми, и въ то же время ихъ чувствительность и воображеніе чрезмѣрно повышаются. Наконецъ, чрезмѣрная жара приводитъ въ концѣ концовъ къ утомленію и притупленію самой чувствительности. Холодъ, напротивъ, увеличиваетъ крѣпость и силу тѣла, потому что

---

[1]) De Lapouge, les Sélections sociales.

[2]) Этотъ пессимизмъ недавно былъ разбитъ нѣсколько излишне рьянымъ оптимистомъ г. Новиковымъ, въ его очень интересной книгѣ о „Будущемъ бѣлой расы“.

при немъ питанье—болѣе обильное и лучше распредѣляется по всѣмъ органамъ; отсюда большая способность къ тяжелому труду. Этой физической энергіи соотвѣтствуетъ и бо́льшая моральная энергія, потребность дѣйствовать, двигаться, расходоваться. Холодъ сжимаетъ также фибры и кожу, слѣдствіемъ чего является меньшая испарина; во всѣхъ частяхъ сжатаго тѣла вибраціи становятся тогда болѣе затруднительными: труднѣе возбудить чувствительность. Но, разъ возбужденныя и притомъ причинами непремѣнно болѣе серьезными, страсти—болѣе глубоки и постоянны. Тяжесть воздуха, его влажность, его чистота, его движеніе также оказываютъ свое вліяніе. Именно, влажность причиняетъ завалъ поръ кожи, замедляетъ циркуляцію «жидкостей», уменьшаетъ силу вазо-моторной системы, отнимаетъ у всего тѣла энергію, ослабляетъ чувствительность, словомъ. предрасполагаетъ къ медлительности и неподвижности флегматичнаго темперамента. Самая пища имѣетъ непосредственное вліяніе на темпераментъ народа и косвенное на его характеръ. По Пиѳагору, избытокъ животной пищи придаетъ людямъ и расамъ нѣчто жестокое и дикое, въ то время какъ злоупотребленіе растительною пищею понижаетъ дѣятельность организма. Современники подтвердили эти слова. Древніе варвары и краснокожіе, большіе любители мяса, были очень воинственны и склонны къ авантюрамъ; болѣе тяжеловѣсны—народы, питающіеся плодами, какъ, напримѣръ, индѣйцы, египтяне, китайцы; тода́, живущіе только молокомъ, отличаются поразительной мягкостью. Наконецъ. конфигурація почвы и ея производство также не остаются безъ вліянія. Страны, богатыя лѣсомъ, способствовали нѣкогда образованію народовъ-охотниковъ, обыкновенно грубыхъ и деспотичныхъ, какъ это замѣчается еще теперь въ Ю.-Америкѣ (и нѣкогда въ старой Галліи); степи производили скорѣе пастушескія, кочевыя трибы, организованныя въ патріархальныя семьи и обреченныя на періодическія эмиграціи.

Однако Монтескье слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе климата, когда онъ хочетъ объяснить имъ мельчайшія черты національнаго характера. По его мнѣнію, напримѣръ, высокая температура порождаетъ въ характерѣ низость; были ли римляне, однако, болѣе низки, чѣмъ германцы и галлы? И развѣ нумидійцы и карѳагеняне, жившіе въ Африкѣ, были менѣе храбры, чѣмъ римляне? Развѣ эѳіопы, страна которыхъ, быть можетъ,—самая жаркая въ мірѣ, не покоряли себѣ нѣсколько разъ Египетъ? Много народовъ-завоевателей вышло изъ жаркихъ странъ, какъ, напримѣръ, арабы подъ предводительствомъ Омара и Отмана, и альмогады и альморавиды. Что касается жестокости, которую тоже, по Монтескье, порождаетъ жаркій климатъ, то ее мы находимъ въ исторіи всѣхъ народовъ, какъ въ Греціи, Римѣ, Италіи, Испаніи, Англіи, такъ и въ Египтѣ, Ассиріи, Персіи. Эскимосы живутъ въ холодной странѣ, а между тѣмъ они «такъ же свирѣпы, говоритъ Эллисъ, какъ волки и медвѣди, населяющіе ихъ пустыни».

Часто также приводятъ извѣстныя замѣчанія древнихъ историковъ, что свѣтловолосыя націи сѣвера, простыя и чистосердечныя, имѣютъ натуру крѣпкую и открытую: наши предки франки, «наивная» раса, происходятъ съ сѣвера. Націи темноволосыя, изъ южныхъ областей, болѣе сконцентрированы, болѣе скрытны. Но эти

явленія объясняются скорѣе дѣйствіемъ расы и воспитаніемъ, чѣмъ климатомъ. Римляне обвиняли карѳагеннянъ въ двойственности и вѣроломствѣ, греки жаловались на нечестность финикіянъ; галлы и германцы, въ свою очередь, презирали лукавство латинянъ и грековъ.—Приблизьтесь, говоритъ еще Монтескье, къ южнымъ странамъ, тамъ горячія страсти умножаютъ преступленія: «каждый стремится захватить у другого всѣ преимущества, которыя могутъ благопріятствовать этимъ же страстямъ».—Мы согласны допустить это и покажемъ, что подъ вліяніемъ яркаго солнца, жаркой, хотя не тропической, температуры происходитъ болѣе оживленный обмѣнъ веществъ, сама кровь дѣлается болѣе горячею и нервы болѣе чувствительными, вслѣдствіе чего и эмоціи становятъ болѣе горячими и сконцентрированными. Но это все, что можно уступить. Монтескье силится доказать, что въ умѣренномъ климатѣ, какъ, напримѣръ, во Франціи, народы болѣе «непостоянны въ своихъ манерахъ, даже и въ своихъ порокахъ и добродѣтеляхъ: климатъ тамъ не имѣетъ достаточно опредѣленнаго свойства, чтобы фиксировать ихъ». — Мы согласны еще признать, что темпераментъ при этомъ не увлекается въ однообразномъ направленіи: во Франціи, напримѣръ, онъ болѣе независимъ отъ внѣшней среды и болѣе зависитъ отъ наслѣдственности съ одной стороны и отъ индивидуальнаго образа жизни съ другой. А пороки, а добродѣтели? Милліоны китайцевъ живутъ въ такомъ же климатѣ, какъ и французы. Свойственна ли имъ эта любовь къ перемѣнамъ, которая, говорятъ, является отличительной чертой французовъ, и была одной изъ чертъ галловъ? Тасманцы на плодородномъ островѣ, климатъ котораго похожъ на климатъ Франціи, питались раковинами и немногими рыбами, достававшимися имъ съ большимъ трудомъ. Они ходили совершенно нагими и питались червями, которыхъ находили на собственномъ тѣлѣ. Безъ правительства, безъ главы, они жили независимые одни отъ другихъ; осуществляя идею анархіи, они были слабы, подозрительны, злы, лишены всякой любезности и всякаго вкуса. Перенесите теорію Монтескье въ Азію или Америку, и она не найдетъ тамъ фактовъ для своего подтвержденія.

Многочисленны причины измѣненій, производимыхъ — какъ полагаютъ,—физической средою, онѣ часто меньше относятся къ обитаемой мѣстности, чѣмъ къ обычнымъ условіямъ физической, соціальной жизни. Нужда, недостаточное питаніе, избытокъ работы, антигіеническія условія промышленности, сидячій образъ жизни, жизнь въ городахъ - все это неблагопріятныя по большей части, соціальныя условія, которыя могутъ остановить или, по крайней мѣрѣ, замедлитъ тѣлесное развитіе; самый ростъ, который служитъ выраженіемъ расы и является продуктомъ наслѣдственности, измѣняется сообразно соціальной средѣ. Ни человѣкъ, ни народъ не является тѣмъ, что Молешоттъ назвалъ «суммой родителей, кормилицы, мѣста, эпохи, воздуха, температуры, звука, свѣта, пищи и одежды». Это, пожалуй, можно сказать о человѣкѣ—животномъ, но это совершенно непримѣнимо къ человѣку моральному и къ обществу. Физическая среда дѣйствуетъ главнымъ образомъ путемъ той матеріи, которую она подчиняетъ волѣ и уму, тѣхъ задачъ, которыя они имъ ставитъ, тѣхъ затрудненій и облегченій, которыя она имъ приноситъ. Значеніе интеллектуальнаго фактора все возрастаетъ. Если,

напримѣръ, плодородіе почвы слишкомъ значительно, оно можетъ вызвать лѣнь и сибаритство,—явленія моральныя и соціальныя. Если же оно ни слишкомъ велико, ни слишкомъ мало, какъ напримѣръ во Франціи, то, при прочихъ равныхъ условіяхъ, оно будетъ способствовать развитію ума. Безплодіе почвы въ нѣкоторыхъ странахъ разовьетъ, преимущественно, волю. Итакъ, это скорѣе реакція человѣка, чѣмъ дѣйствія природы. Точно также и нравы неодинаковы во внутреннихъ и приморскихъ мѣстностяхъ. Въ Отенѣ и Марсели всѣмъ извѣстно возбуждающее вліяніе морскаго воздуха. Однако, физическія причины являются здѣсь сравнительно второстепенными и часто сводятся къ нулю. Преимущественныя соціальныя условія обусловливаютъ собою указанное различіе. Тамъ жизнь проста и однообразна, умы прикованы къ старымъ привычкамъ и являются врагами всякихъ перемѣнъ. Здѣсь, напротивъ, жизнь течетъ разнообразно, характеръ болѣе воспріимчивъ, болѣе дѣятеленъ и подвиженъ. Воображеніе живѣе, замѣчается любовь къ перемѣнѣ, которая обусловливаетъ легкое усвоеніе всякихъ новшествъ, привезенныхъ иностранцами. Экономическія отношенія являются въ этомъ случаѣ наиболѣе важными факторами. Лежащіе въ различной средѣ и въ различномъ климатѣ—Марсель и Брестъ все же будутъ имѣть, какъ приморскіе города, общія точки соприкосновенія.

Теперь намъ нужно познакомиться съ тѣмъ дѣйствіемъ, которое среда оказываетъ черезъ посредство нашихъ внѣшнихъ чувствъ на природу воображенія, но и въ этомъ случаѣ умственная реакція имѣетъ особенное значеніе. Если у индивидуума юморъ смѣняется радостью отъ солнечнаго свѣта или печалью отъ тумана, то, какъ же этому постоянству однихъ и тѣхъ же вліяній не создать у націи постояннаго юмора, составляющаго въ концѣ концовъ часть его темперамента? Есть климаты, располагающіе къ меланхоліи, точно такъ же, какъ и есть такіе, которые располагаютъ къ веселью и безпечности. Сила воображенія, склонность къ мечтамъ, даже къ галлюцинаціямъ, развиваются въ большей или меньшей степени и зависимости отъ дѣйствія климата, среды и отъ общаго вида страны. Путешественники всегда констатировали тотъ фактъ, что ихъ наклонности измѣнялись подъ вліяніемъ созерцанія природы извѣстной страны: Лоти, бретонецъ по происхожденію, сдѣлался на Востокѣ совсѣмъ восточнымъ человѣкомъ.—Докторъ Лебонъ, который объѣздилъ весь земной шаръ, разсказываетъ намъ, что на туманныхъ, но живописныхъ берегахъ Гемзы, въ лагунахъ Венеціи съ фантастическимъ горизонтомъ; во Флоренціи предъ шедеврами природы и искусства; въ Швейцаріи на безплодныхъ вершинахъ глетчеровъ; въ Германіи, на берегахъ стараго Рейна, застроенныхъ старинными замками и полныхъ легендъ; въ Москвѣ, на берегахъ рѣки, гдѣ возвышается Кремль, въ Индіи, въ Персіи, въ Китаѣ—міръ идей и чувствъ, вызванныхъ измѣняющейся средой, представляетъ такое же разнообразіе, какъ и самая среда». Во Франціи мы находимъ самые разнообразные ландшафты; воображеніе у жителя туманной Бретани не можетъ быть такимъ же, какъ у жителя яснаго Прованса; въ общемъ, французская нація не имѣетъ ничего пасмурнаго, ничего мрачнаго въ своемъ характерѣ. Мрачный юморъ Байрона, его могучее воображеніе, необузданная гордость, жажда опасности, потреб-

ность борьбы, внутренняя экзальтація,—вотъ черты англійской національности. По Тэну, это сплетеніе дикихъ страстей обусловлено климатомъ; онъ, конечно, преувеличилъ значеніе послѣдняго, забывъ и расу, и индивидуальный характеръ, однако несомнѣнно среда вліяетъ на расположеное духа.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что теорія физической среды, исключающая всякія другіе факторы, недостаточно полна, совершите мысленно путешествіе. Прослѣдите изотерму 10° выше нуля. Вы проѣдете на старомъ континентѣ черезъ Ливерпуль, Лондонъ, Мюнхенъ, Будапештъ, Одессу, Хиву, Пекинъ и черезъ сѣверную часть острова Ниппона; и вы увидите, что одна и та же температура не создала ни одинаковыхъ физическихъ типовъ, ни моральныхъ. Вы встрѣтите на протяженіи дороги ирландцевъ, англичанъ. нѣмцевъ, мадьяръ, узбековъ, татаръ, монголовъ, китайцевъ и японцевъ.

Одна и та же температура произвела, грековъ и готтентотовъ, это значитъ, что она не произвела, ни тѣхъ ни другихъ. Въ Европѣ свѣтловолосые и «искренніе» германцы живутъ среди рыже-или темноволосыхъ неискреннихъ народовъ подъ одной и той же изотермой. Тропическій климатъ не помѣшалъ развитію цивилизаціи ацтековъ, майя, финикіянъ и древнихъ мексиканцевъ. На новомъ континентѣ первые шаги цивилизаціи нужно искать между тропиками, на Анагуакскомъ плоскогоріи, на Юкатанѣ и на берегахъ озера Титикака. Не нужно поэтому отдѣлять вопросъ о климатѣ отъ вопроса о расѣ. Викторъ Кузенъ тоже, видя только одну сторону проблемы, хотѣлъ насъ убѣдить, что «историческая эпоха, долженствующая представить идею конечнаго, а слѣдовательно, движенія, свободы, индивидуальности въ человѣческомъ родѣ», должна была имѣть своей ареной страну съ длинной, очень изрѣзанной береговой линіей, съ невысокими горами, съ умѣреннымъ климатомъ и т. д., словомъ, Грецію.

Дѣлать предсказанія post factum легко; въ самомъ дѣлѣ, представленіе объ идеѣ конечнаго, если конечное существуетъ, существовало только въ Греціи, въ Аѳинахъ. Однако, оно могло бы точно такъ же существовать и во Франціи. Живой геній аѳинянъ содѣйствовалъ выработкѣ этого представленія гораздо больше, чѣмъ географическое устройство страны. Самъ Гегель, подъ вліяніемъ котораго находился Кузенъ, сказалъ: «пусть не взываютъ болѣе къ этому чудному небу Греціи, такъ какъ оно же сверкаетъ теперь безъ всякой пользы для турокъ! Не говорите мнѣ больше объ этомъ и оставьте меня въ покоѣ». Не чудное небо Галліи создало Францію, ее создали французы. Въ Америкѣ мы видимъ людей, какъ ирландцевъ или шотландцевъ, такъ и англичанъ, вновь пытающихся устроить свою судьбу, которую они уже устраивали неоднократно, но безуспѣшно: неужели климатъ Америки создаетъ эту несокрушимую энергію, терпѣніе и стойкость? Неужели это объясняется исключительно англосаксонскимъ происхожденіемъ? Объясненіе этому кроется преимущественно въ англосаксонскомъ воспитаніи, въ честолюбіи, которое развиваетъ страна, еще молодая, открывающая широкій просторъ всякимъ надеждамъ.

Физическія причины, въ общемъ, способны ускорить или замедлить соціальныя перемѣны, но въ этомъ только и состоитъ, по замѣчанію Конта, все ихъ дѣйствіе. Контъ прибавляетъ, что нельзя

забывать обратнаго дѣйствія общества на природу: первое постепенно, «соціализируетъ», дѣлаетъ общественной вторую. Заключеніе, что наслѣдственность расы и физической среды оказывала свое дѣйствіе преимущественно на порогѣ соціальной эволюціи, это заключеніе мы выводимъ изъ данныхъ этнической психологіи и соціологіи,—двухъ наукъ, изъ которыхъ исторія должна заимствовать свои принципы. Правило *primo vivere* находило тогда себѣ полное примѣненіе, и матеріальная среда представляла всѣ необходимыя условія для жизни: пищу, жилище, одежду, инструменты и оружіе, домашнихъ животныхъ. Человѣческій мозгъ не имѣлъ еще достаточно независимаго существованія, чтобы отдѣлиться отъ внѣшняго міра; онъ представлялъ собою философскую *tabula rasa*, готовую отпечатать всѣ впечатлѣнія, получаемыя извнѣ. Съ другой стороны, соціальныя отношенія были еще слишкомъ несложны, чтобы уравновѣсить физическія вліянія расы. Но на народъ, уже сформировавшійся, какъ напр. французскій, внѣшняя среда оказываетъ уже очень медленное дѣйствіе; съ другой стороны, *безпрерывныя смѣшенія* диссоціируютъ и, частью, нейтрализуютъ одно другимъ наслѣдственныя вліянія, чтобы увеличить вліяніе соціальной среды. Этническіе и географическіе факторы національнаго характера не являются, такимъ образомъ, ни единственными, ни самыми важными; соціальные факторы, однообразное воспитаніе, образованіе, общія идеи компенсируютъ, какъ разнообразіе этническихъ семей, такъ и разнообразіе физической среды. Сардинцы, живущіе на Средиземномъ морѣ, не имѣютъ расоваго сходства съ піемонтскими кельтами, а корсиканцы—съ кельто-германскими французами, что однако нисколько не мѣшаетъ имъ жить въ полномъ согласіи. Поляки ненавидятъ русскихъ, несмотря на то, что въ ихъ жилахъ тоже течетъ славянская кровь, и охотно ассимилируются съ австрійцами. Эльзасцы—французы по духу, несмотря на свои германскія черты. Кельтическій ирландецъ не любитъ Англіи, а Валисъ столь не кельтическій по духу, ассимилированъ; тоже можно сказать о Шотландіи, странѣ, въ значительной степени кельтической, и тѣмъ не менѣе столь не похожей на свою сестру—Ирландію. Эмигранты-французы, которыхъ теперь такъ много въ Пруссіи, не отличаются ни умомъ, ни характеромъ, говоритъ Лацарусъ, отъ истинныхъ нѣмцевъ; умъ торжествуетъ надъ расой, какъ и надъ землею; народы—это «безплотные принципы».

Видѣть въ общественной эволюціи только борьбу расъ на лонѣ географической, болѣе или менѣе благопріятной, среды, это значитъ не проникать въ глубь вопроса, а смотрѣть на него совсѣмъ съ примитивной, почти животной точки зрѣнія,—это значитъ спуститься въ область зоологіи и антропологіи. Даже у доисторическихъ расъ важнымъ двигателемъ соціальнаго прогресса было производство для потребленія; люди скоро поняли, что кооперація представляется самымъ плодотворнымъ и вѣрнымъ средствомъ производить полезныя вещи. Борьба была только второстепеннымъ и несравненно худшимъ средствомъ. Точно такъ же уже съ доисторическихъ временъ мы встрѣчаемъ, кромѣ орудій, направленныхъ исключительно противъ животныхъ, множество домашней утвари и инструментовъ мирнаго времени. Де-Мортилле написалъ цѣлую книгу о доисторическихъ снастяхъ для уженія рыбы и охоты, чтобы показать, какъ нарождавшееся человѣчество, несмотря на крайнюю медленность своего прогресса,

умудрилось пріискивать средства для производства, и сколько неизвѣстныхъ намъ благодѣтелей было среди нашихъ доисторическихъ предковъ. Чтеніе этой книги опровергаетъ сказку о вѣчной войнѣ и всеобщемъ каннибализмѣ, рисуемомъ намъ антропологами и соціологами. Человѣкъ не былъ, съ перваго своего появленія и всюду, самымъ свирѣпымъ изъ свирѣпыхъ звѣрей, звѣремъ, который,—единственное въ своемъ родѣ исключеніе,—занимался исключительно тѣмъ, что уничтожалъ и пожиралъ себѣ подобныхъ; съ враждебностью у него, съ самаго начала, соединялась симпатія. Кооперація постольку и тѣмъ болѣе была важна для прогресса, нежели борьба съ оружіемъ въ рукахъ, что послѣдняя сама постепенно смѣнилась мирной конкурренціей.

Предразсудокъ относительно превосходства воинственныхъ народовъ происходитъ отъ того, что о настоящемъ судятъ по прошедшему, совершенно упуская изъ виду разницу въ психикѣ кочевыхъ и осѣдлыхъ народовъ, между тѣмъ эта разница сыграла громадную роль въ исторіи. Многіе народы были нѣкогда кочевыми, вслѣдствіе ли природы мѣстности, принуждавшей или побуждавшей ихъ къ передвиженію (напримѣръ, обширныя степи), или въ силу природной склонности къ кочевой жизни и охотѣ. Психологія кочевыхъ народовъ извѣстна: любовь къ грабежамъ, коварство, привычка къ разрушенію и опустошенію; это результатъ воспитанья и нравовъ. Объѣзжая широкія пространства страны, кочевникъ становится сильнымъ и особенно ловкимъ: ему приходится преслѣдовать въ лѣсу дичь, и эта борьба вырабатываетъ въ немъ ловкость и быстроту. Часто, вмѣсто дичи, ему приходится сталкиваться съ врагомъ. Когда ему нехватаетъ пищи для стада или для него самого, вы думаете, онъ останавливается передъ тѣмъ, чтобы напасть на сосѣднюю территорію? Нерѣдко бываетъ, что эта территорія заселена осѣдлыми народами, преданными земледѣлію. Психологія этихъ народовъ обыкновенно противоположна психологіи кочевниковъ: ихъ темпераментъ болѣе мирный, нравы ихъ болѣе порядочны; они ни имѣютъ ни страстей, ни обширныхъ свѣдѣній охотника, они знаютъ только тотъ небольшой участокъ, на которомъ они живутъ. При этихъ условіяхъ они часто окажутся безсильными противъ нападающаго врага. Будутъ ли они потому ниже послѣдняго? Побѣда, даже въ древнія времена, не служила достаточнымъ доказательствомъ превосходства. Обширныя и развитыя націи были порабощены небольшимъ числомъ кочевниковъ; Китай былъ побѣжденъ татарами, Мидяне—персами, Европа и Азія ордами Аттилы, Чингисхана, Тамерлана. Указывалось также на то, что эти кочевники были маленькаго роста и тонкаго сложенія, между тѣмъ какъ ихъ враги были болѣе сильны, болѣе многочисленны и умны; но первые употребляли свои познанія для того, чтобы разрушать, захватывать, обманывать и убивать. «Съ самаго дѣтства татаринъ воспитывается въ школѣ коварства и мошенничества» [1]). Народъ не настолько низокъ, говорятъ, чтобы благодаря своимъ учителямъ, получить любовь къ войнамъ и сдѣлаться болѣе дикимъ: Кортесъ и Пицарръ, имѣя въ своемъ распоряженіи горсть людей, но обладая жестокостью и лукавствомъ, сумѣли поработить индѣйцевъ Мексики и Перу. Храбрость средневѣковыхъ

[1]) См. Суффре „La disparité des races humaines гл. III.

сеньоровъ, господствовавшихъ надъ безчисленными крестьянами, не всегда имѣвшими палку для защиты, состояла часто «въ тяжеломъ желѣзномъ вооруженіи». Успѣхи современной науки заставили обмѣняться ролями и сдѣлали изъ осѣдлыхъ народовъ прекрасно вооруженную силу, способную уничтожить низшія расы. Дикія орды Аттилы или Тамерлана не перешли бы въ настоящее время границъ даже ничтожнаго европейскаго государства [1]).

Грубая сила имѣла нѣкогда и имѣетъ и теперь гораздо меньшее значеніе въ дѣлѣ образованія націи, чѣмъ это представляютъ себѣ. Турки побѣдили болгаръ, сербовъ, румынъ, грековъ; но удалось ли имъ ассимилировать ихъ? Нѣтъ,—по многимъ причинамъ, среди которыхъ отмѣтимъ одну особенно любопытную: турки, говоритъ г. Новиковъ, имѣли азбуку, менѣе совершенную, чѣмъ азбука побѣжденныхъ ими народовъ; уже одно это обстоятельство обезпечивало имъ лишь временное могущество. Вѣрно ли, будто единство французской націи дѣло рукъ нашихъ королей, завоеваній и физической силы? Не правильно ли утвержденіе, будто это единство создано безчисленною толпой писателей, поэтовъ, артистовъ, философовъ, ученыхъ, которыхъ Франція производила безпрестанно въ продолженіе четырехъ вѣковъ? Около 1200 г. провансальская культура была выше французской: тулузецъ считалъ парижанина варваромъ, и совершенно правильно. Если бы, говоритъ Новиковъ, умственное движеніе на югѣ шло такими же быстрыми шагами, какъ на сѣверѣ, то, Лангедокъ былъ бы теперь подъ игомъ Франціи, какъ Польша подъ властью Россіи. Сравните Францію съ Австріею. Въ послѣдней нѣмецкому языку и литературѣ не удалось «германизировать» венгерцовъ. Во Франціи французскій языкъ получилъ такое превосходство надъ мѣстными діалектами, напримѣръ, провансальскимъ, что они (къ счастью) не пробуютъ даже сопротивляться. И эта побѣда языка была одержана только, благодаря литературѣ и наукѣ.

«У васъ, говоритъ Новиковъ французамъ, это называется образовывать крестьянъ. Въ другихъ странахъ это называлось бы денаціонализаціею или офранцуженьемъ лангедокцевъ. Провансалецъ уже не воскреснетъ. Однако, насколько мнѣ извѣстно, для обученія лангедокцевъ французскому языку не прибѣгаютъ къ штыкамъ». Нашъ языкъ, впрочемъ, распространяется и за предѣлами нашей страны, въ странахъ, гдѣ французскіе штыки не имѣютъ никакого дѣйствія. Новиковъ заключаетъ отсюда, что «національная ассимиляція является всюду интеллектуальнымъ процессомъ [2])».

Нельзя, такимъ образомъ, свести всю исторію къ одной борьбѣ расъ или даже обществъ. Идея «содѣйствія» служитъ дополненіемъ къ идеѣ «борьбы»; и самая борьба была бы невозможна безъ предварительнаго «содѣйствія» между сражающимися, независимо отъ того, какое они употребляютъ при этомъ оружіе. Въ этомъ именно отношеніи дарвинистская концепція исторіи представляется односторонней и неполной.

Дарвинистская концепція соціальнаго подбора тоже неудовлетворительна; она разъясняетъ только одинъ изъ факторовъ національнаго характера и одинъ изъ двигателей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ,

[1]) Суффре, La disparité des races humaines гл. III.
[2]) Les luttes entre les sociétés humaines, 1893 г.

эта концепція принимаетъ въ соображеніе только сортировку и устраненіе индивидуумовъ, семействъ, расъ, неприспособленныхъ къ данной средѣ, независимо отъ того, какова она, хороша или дурна, регрессивна или прогрессивна. Но не все въ народѣ сводится къ борьбѣ за матеріальное существованіе. Есть еще чувства, идеи, желанія, между которыми тоже происходитъ борьба за жизнь и первенство [1]).

Нѣкоторыя чувства, нѣкоторыя идеи имѣютъ большую силу, проистекающую или изъ присущей имъ, дѣйствительной, внутренней ихъ правильности или изъ ихъ наилучшей приспособленности къ современнымъ условіямъ,—приспособленности, которая представляетъ собою, такъ сказать, правильность относительную. Такая концепція общественнаго долга, собственности, государства, даже вселенной и ея принципа, можетъ доставить особо выгодное положеніе индивидууму и народу. Какимъ же образомъ одна концепція или, если хотите, одинъ идеалъ приводитъ къ другому? Неужели это объясняется просто смертью индивидуумовъ, обладающихъ противоположною концепціею, и исчезновеніемъ расы? Создается ли научная, религіозная или политическая идея путемъ физіологическаго подбора и физіологическаго устраненія? Ни въ коемъ случаѣ. Открытіе пара и электричества вводитъ въ головы людей новыя, раньше неизвѣстныя, идеи, не оказывая непосредственнаго вліянія на рождаемость, плодовитость или неплодовитость, на наслѣдственную передачу. Мозгъ обладаетъ способностью непосредственно приспособляться, болѣе или менѣе скоро, къ новымъ идеямъ, и это индивидуальное приспособленіе сильно отличается отъ процесса, описаннаго Дарвиномъ, отъ животнаго подбора путемъ борьбы за существованіе. Лицо, усвоившее себѣ какую-нибудь новую идею, не всегда имѣетъ для этого особое органическое устройство, такъ какъ оно могло бы съ такимъ же успѣхомъ усвоить и противоположную идею. Врачи, принявшіе микробіологическую теорію, не принадлежатъ къ какой-нибудь другой антропологической расѣ, нежели другіе врачи; долихоцефалы и брахицефалы могутъ одинаково хорошо понять и усвоить выводы Пастера.

Даже въ области идей, недоступныхъ внѣшнимъ чувствамъ, замѣчается прогрессивное приспособленіе къ умственной средѣ, и это приспособленіе не влечетъ за собою непремѣнно устраненія и вырожденія неприспособленныхъ индивидуумовъ. Однимъ словомъ, идеи и чувства не распредѣляются по расамъ; это имѣетъ мѣсто только для небольшого числа идей и чувствъ, причемъ и это число безпрестанно уменьшается. Неправильно, поэтому, думать, что приспособленіе, при помощи подражанія, воспитанія, нравовъ, законодательства и экономическаго режима, не имѣетъ значенія; наоборотъ, эти факторы, важность которыхъ все возрастаетъ и которые преобразовываютъ постепенно на свой ладъ индивидуумовъ, принадлежатъ къ различнымъ семьямъ и расамъ.

Существуютъ, по мѣткому выраженію Польгана, соціальные механизмы самыхъ разнообразныхъ видовъ, изъ которыхъ каждый дѣлаетъ свое дѣло, содѣйствуя образованію національной равнодѣйствующей. Къ сожалѣнію, у соціалистовъ, а также и у историковъ, замѣчается стремленіе видѣть только одинъ или два такихъ механизма и

[1]) См. въ *Revue Scientifique* за 1896 г. прекрасный докладъ г. Польгана о „соціальномъ подборѣ“.

сводитъ къ нимъ все остальное. Теорія расы и теорія среды служатъ этому примѣромъ. Невозможно судить о людяхъ-членахъ общества такъ же, какъ о растеніяхъ и животныхъ, у которыхъ раса и физическая среда имѣютъ преимущественное значеніе. Для гвоздики не важно, находится ли она рядомъ съ другою такою же гвоздикою; если сосѣдство близко, то иногда можно наблюдать смѣшеніе цвѣтовъ у отростковъ. Растеніе, дикое животное составляютъ то, что натуралисты называютъ «независимою единицею», въ то время какъ человѣкъ, живущій въ обществѣ и подчиняющійся дѣйствію себѣ подобныхъ, образуетъ съ ними одно цѣлое. Кромѣ того, и соціальный подборъ, благопріятствующій однимъ типамъ людей, а не другимъ, не можетъ не способствовать, если онъ происходитъ долгіе вѣка, удаленію типовъ отъ ихъ первоначальныхъ тенденцій и приведенію ихъ къ извѣстному единству. Съ другой стороны, помѣстите индивидуумовъ одной расы, галловъ, ирландцевъ, шотландцевъ, въ различную соціальную среду, и вы увидите, какъ «различіе культуры» и соціальной «обстановки» вырабатываетъ настоящіе контрасты между характерами, несмотря на стойкость психическаго темперамента, свойственнаго всей расѣ.

Наконецъ, знаменитое «приспособленіе къ внѣшней средѣ» нечисто пассивно, а чаще всего—активно: бываютъ даже люди и особенно общества, которые скорѣе приспособляютъ къ себѣ природу, чѣмъ сами приспособляются къ ней. Сама внѣшняя природа такъ увлекается и измѣняется подъ вліяніемъ человѣческаго общества, что мы начинаемъ отыскивать въ ней человѣческія черты. Среда измѣняетъ животное, человѣкъ измѣняетъ среду. Общество даетъ извѣстную внѣшность индивидууму и накладываетъ на него свой отпечатокъ. Образованіе и воспитаніе, вліяніе наукъ, литературы и искусствъ, общественная нравственность. религіозныя вѣрованія; профессіи, нравы; хорошіе и дурные, всегда болѣе или менѣе заразительные примѣры; всякаго рода внушенія, общественныя отношенія, дружба, привязанности,—все это слишкомъ хорошо извѣстныя доказательства вліянія на насъ намъ подобныхъ. Высшею формою этой солидарности, быть можетъ, служитъ страданіе. Въ общемъ, страданіе сближаетъ больше, чѣмъ радость. «Въ народныхъ воспоминаніяхъ, говоритъ Ренанъ, неудачи имѣютъ бо́льшее значеніе, чѣмъ побѣды, такъ какъ онѣ налагаютъ извѣстныя обязанности и вообще руководятъ дѣятельностью народа».

Для Лебона. воспитаніе, сравнительно съ наслѣдственностью, представляетъ собою не болѣе, какъ песчинку, прибавленную къ горѣ. «Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, гора образовалась путемъ накопленія отдѣльныхъ песчинокъ, но для этого потребовалось много вѣковъ». Если прибѣгать къ сравненіямъ, то съ такимъ же основаніемъ можно было бы сравнить вліяніе воспитанія съ камнемъ, который, будучи наложенъ на другіе камни, создаетъ въ концѣ концовъ пирамиду, причемъ для этого не требуется тысячелѣтій. Исторія, впрочемъ, на ряду съ медленными преобразованіями, знаетъ также и примѣры преобразованій стремительныхъ, — интеллектуальныхъ, моральныхъ, религіозныхъ революцій. Самый мозгъ, его объемъ, его извилины, въ концѣ концовъ, измѣняются подъ вліяніемъ соціальной среды, на что̀ указываетъ прогрессивное увеличеніе мозга по мѣрѣ роста циви-

лизаціи. Нѣкоторыя области головного мозга, какъ напримѣръ, та, которая завѣдуетъ членораздѣльною рѣчью, суть соціальныя пріобрѣтенія. То же самое можно сказать относительно частей, дѣлающихъ возможною рефлексію; наконецъ, даже рука, говоритъ Польганъ, по той тонкости, которую она пріобрѣла, есть отчасти соціальной продуктъ. Такимъ образомъ, не только физическая среда опредѣлила типическія черты каждаго народа, но и его способъ общественной дѣятельности. Народъ есть соединеніе умовъ; и можно также сказать, что каждый умъ есть нація въ одной изъ своихъ формъ и въ одномъ изъ своихъ проявленій. Вопреки силѣ, которою обладаетъ наслѣдственность, сила солидарности соціальной среды оказывается иногда еще болѣе могущественною, до того, что она измѣняетъ главныя идеи, которыя человѣкъ составилъ себѣ, какъ о своихъ собственныхъ интересахъ, такъ и объ общихъ интересахъ всей своей группы.

Точно такъ же, какъ хотѣли свести психологію народовъ къ ихъ физіологіи и ихъ эволюцію къ расовой борьбѣ, точно такъ же хотятъ все свести къ экономическимъ отношеніямъ и къ классовой борьбѣ. Эта доктрина была сперва реакціею противъ доктрины философовъ XVIII столѣтія. Послѣдніе, убѣжденые въ томъ, что законодательство въ жизни народа—все, связывали и само законодательство съ планомѣрною дѣятельностью законодателя. Мэбли, Гельвеціусъ и Гольбахъ служатъ примѣрами такихъ воззрѣній. «Религія Авраама, говоритъ Гольбахъ, была, повидимому, по своему происхожденію, теизмомъ, измышленнымъ для того, чтобы измѣнить суевѣріе халдеевъ [1])». Для того, чтобы Спарта не вкусила ненадежной реформы, говоритъ въ свою очередь Мэбли, Ликургъ проникъ, такъ сказать, въ глубь сердца гражданъ и убилъ тамъ въ зародышѣ любовь къ богатству [2])». Гражданскіе законы каждаго даннаго народа обязаны, такимъ образомъ, своимъ происхожденіемъ своей политической конституціи и своему правительству. Сэнъ-Симонъ и Контъ доказали ошибочность этой точки зрѣнія: «Законъ, опредѣляющій право собственности, говоритъ Сэнъ-Симонъ,—важнѣйшій изъ всѣхъ: онъ служитъ базисомъ соціальнаго зданія». Идеи Сэнъ-Симона имѣли большое вліяніе на Гизо, Минье и на Огюстена Тьерри. По Гизо, «изученіе земли должно предшествовать изученію людей. Чтобы понять политическія учрежденія, нужно знать различныя соціальныя условія, нужно знать природу и отношенія собственности». По Минье также, политическія учрежденія судь прежде всего результаты, а затѣмъ только становятся причинами. Раньше чѣмъ феодализмъ сталъ фактомъ, должна была существовать потребность въ немъ. Упраздненіе коммунъ измѣнило всѣ внутреннія и внѣшнія отношенія европейскихъ обществъ: «Демократія, абсолютная монархія и представительная система явились ея результатами; демократія—тамъ, гдѣ господствовали только однѣ коммуны; абсолютная монархія—тамъ, гдѣ онѣ имѣли связи сь королями, ограничить которыхъ имъ не удалось; народное представительство—тамъ, гдѣ вассалы воспользовались ими для ограниченія королевской власти». Доминирующая точка зрѣнія Тьерра,—это борьба разночинцевъ съ дворянствомъ, классовая борьба. Обыкновенно полагаютъ, что первыми ввели эту

[1]) Système de la nature, London 1886 г., 2 ч., 186.
[2]) Oluvres complètes, IV, стр. 20.

концепцію въ историческую науку послѣдователи Маркса; между тѣмъ марксистъ Плехановъ блестяще доказалъ, что она была введена до Маркса; она доминировала въ той французской исторической школѣ, которую Шатобріанъ неточно назвалъ политическою школою. Для Гизо вся исторія Франціи сводится къ классовой борьбѣ. Въ теченіе болѣе тринадцати вѣковъ, говоритъ онъ, Франція заключала въ себѣ два народа, одинъ народъ—побѣдитель, дворянство, и другой народъ—побѣжденный, третье сословіе, и въ теченіе болѣе тринадцати вѣковъ побѣжденный народъ борется за то, чтобы сбросить съ себя иго народа-побѣдителя. Борьба велась во всѣхъ странахъ и всякимъ оружіемъ; когда въ 1789 году депутаты всей Франціи были собраны въ одномъ собраніи, оба класса поспѣшили покончить со своими старыми распрями. Наступилъ наконецъ день, когда окончилась старая вражда. «Революція измѣнила взаимное положеніе обоихъ народовъ, старый народъ-побѣжденный сдѣлался теперь народомъ-побѣдителемъ и въ свою очередь покорилъ себѣ Францію». Резюмируя политическую исторію Франціи, Гизо говоритъ:—«Борьба сословій наполнила или вѣрнѣе создала всю эту исторію. Это знали и объ этомъ говорили еще за много вѣковъ до революціи. Это знали и объ этомъ говорили и въ 1789 г.» «Современное дворянство,—писалъ въ свою очередь Тьерри въ 1820 г. по поводу работы Вардена о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ,—близко по своимъ требованіямъ къ привиллегированнымъ людямъ XVI столѣтія; тѣ выдавали себя за потомковъ рабовладѣльцевъ XIII вѣка, родственныхъ франкамъ времени Карла Великаго и происходившихъ отъ Сикамбра Хлодовига. Здѣсь можно оспаривать развѣ только естественное родство, политическое происхожденіе не подлежитъ сомнѣнію. Дадимъ его тѣмъ, кто его добивается, а мы, мы ведемъ свое происхожденіе не оттуда. Мы сыны людей третьяго сословія; третье сословіе вышло изъ коммуны; коммуна была убѣжищемъ рабовъ; рабы были побѣждены завоевателями. Итакъ, переходя отъ формулы къ формулѣ, черезъ пространство въ 15 вѣковъ, мы дошли до крайняго предѣла завоеваній, объ уничтоженіи коихъ идетъ рѣчь».

По Марксу, который держался аналогичныхъ взглядовъ, способъ удовлетворенія соціальныхъ потребностей зависитъ въ концѣ концовъ отъ господствующаго въ обществѣ способа производства. «Чтобы существовать, человѣкъ долженъ воздѣйствовать на внѣшнюю природу, долженъ производить. Дѣйствіе же человѣка на внѣшнюю природу опредѣляется, въ каждый данный моментъ, его средствами производства и состояніемъ его производительныхъ силъ». Но развитіе этихъ силъ приводитъ непремѣнно къ нѣкоторымъ измѣненіямъ во взаимныхъ отношеніяхъ производителей, въ «общественномъ процессѣ производства». Это тѣ измѣненія, которыя «въ переводѣ на юридическій языкъ называются измѣненіями состоянія права собственности». Наконецъ, такъ какъ эти измѣненія въ отношеніяхъ собственности приводятъ къ измѣненіямъ структуры общества, то можно сказать, слѣдуя Марксу, что развитіе производительныхъ силъ измѣняетъ «природу» общества: и такъ какъ, съ другой стороны, человѣкъ есть «продуктъ окружающей его соціальной среды», то школа Маркса выводитъ отсюда заключеніе, что развитіе производительныхъ силъ, измѣняя природу соціальной среды, измѣняетъ и

«природу» человѣка. Человѣческая природа въ этой доктринѣ никогда не бываетъ причиною, а является только слѣдствіемъ. Такова матеріалистическая философія исторіи. По Плеханову, если ошибочно думать, что Марксъ первый рѣшился заговорить о борьбѣ классовъ, то во всякомъ случаѣ онъ первый снялъ завѣсу съ «истинной причины историческаго движенія человѣчества, а слѣдовательно, и съ природы различныхъ классовъ, которые, одинъ за другимъ, выступаютъ на міровую арену». Эта причина и есть «состояніе производительныхъ силъ», соединенное съ «тайною прибавочной стоимости».—Истинная тайна, въ дѣйствительности,—отвѣтимъ мы,—ни въ чемъ не проявляется; однако мы не имѣли въ виду изслѣдовать ее здѣсь. Что касается состоянія производительныхъ силъ (терминъ, замѣтимъ, довольно неясный), то оно, очевидно, является одною изъ крупныхъ причинъ, дѣйствующихъ на эволюцію; но, не дѣлая изъ «человѣческой природы», понимаемой въ отвлеченномъ смыслѣ, активной причины, неужели можно себѣ представить, что чувства и страсти людей и народовъ, ихъ стремленія и инстинкты, ихъ идеи и вѣрованія, науки и мораль не имѣютъ никакого дѣйствія, и что все, вплоть до народнаго хозяйства, сводится къ вопросу желудка? Объясненіе исторіи экономическими потребностями не препятствуетъ, а наоборотъ заключаетъ въ себѣ объясненіе при помощи психологіи, поскольку дѣло идетъ о соціальной психологіи. Изъ нѣдръ общества выходятъ семьи и индивидуумы; съ другой стороны, черезъ посредство національности мы принадлежимъ человѣчеству. Народъ есть, такимъ образомъ, естественное единство, болѣе или менѣе сильное, болѣе или менѣе централизованное, но имѣющее всегда преобладающее дѣйствіе; его физіологическая и психологическая природа, въ связи съ дѣйствіемъ среды, и объясняетъ классовую борьбу, а не является только ея результатомъ.

VII.

Если бы было возможно, говоритъ Кантъ, проникнуть достаточно глубоко въ характеръ человѣка или народа, если бы всѣ обстоятельства, дѣйствующія на индивидуальную или коллективную волю, были извѣстны, то можно было бы вычислить точно поведеніе человѣка или народа, какъ вычисляютъ солнечное или лунное затменіе. Стюартъ Милль,—умъ, столь же увлекающійся въ своихъ заключеніяхъ, сколь положительный въ своихъ принципахъ и методахъ, представляетъ себѣ, что психологія народовъ можетъ осуществить въ широкой мѣрѣ почти божественное предвидѣніе, наилучшимъ примѣромъ котораго является астрономія. Онъ представлялъ себѣ изученіе характеровъ вообще и національныхъ въ особенности, какъ родъ соціальной астрономіи, позволяющей предсказать съ извѣстною точностью кривую, по которой должны слѣдовать люди и народы. Совсѣмъ недавно еще Гумпловичъ высказывалъ аналогичныя идеи. По его мнѣнію, если часто бываетъ трудно угадать, какъ поступитъ въ данномъ случаѣ индивидуумъ, то можно зато предвидѣть акты этническихъ и соціальныхъ группъ: трибъ, народовъ, соціальныхъ или профессіональныхъ классовъ.

Однако, сколько разъ пророчества опровергались событіями? Наполеонъ объявилъ, говорятъ, что Европа будетъ вскорѣ казацкою. Онъ предсказывалъ также, что Веллингтонъ упрочитъ деспотизмъ въ

Англіи, «такъ какъ-де этотъ генералъ слишкомъ великъ для того, чтобы остаться въ тѣни». Этимъ Наполеонъ показалъ лишній разъ свое полное непониманіе англійскаго характера; его правленіе, впрочемъ, вообще было только длинною серіею заблужденій и кровавыхъ утопій. «Если вы дадите независимость Соединеннымъ Штатамъ,—сказалъ со своей стороны лордъ Шельбурнъ, тоже порядочный слѣпецъ со своей точки зрѣнія,—то солнце Англіи закатится, и слава ея померкнетъ на вѣки». Бюркъ и Фоксъ соперничали другъ съ другомъ въ нелѣпыхъ пророчествахъ относительно французской революціи; первый вѣщалъ, что «Франція будетъ раздѣлена подобно Польшѣ». Мыслители всякаго рода, чуждые, повидимому, вещей міра сего, оказывались почти всегда болѣе ясновидящими, чѣмъ государственные дѣятели. Руссо и Гольдсмитъ предсказали французскую революцію; Артуръ Юнгъ предвидѣлъ для Франціи «послѣ временныхъ безпорядковъ» «эру продолжительнаго счастья, результатъ ея реформъ». Токвилль еще за тридцать лѣтъ до событія предсказалъ, что Южные Штаты, въ Американской республикѣ, попытаются отложиться. Гейне давно говорилъ намъ: «Вы, французы, должны опасаться освобожденной и объединенной Германіи больше всякаго Священнаго Союза, всякихъ кроатовъ и всѣхъ казаковъ вмѣстѣ». Кине предсказалъ въ 1832 году перемѣну, происшедшую въ Германіи, роль Пруссіи, угрозу, висящую надъ нашими головами, желѣзную руку, которая постарается овладѣть ключами Эльзаса. Близорукость—это естественное состояніе большинства государственныхъ дѣятелей, поглощенныхъ дѣлами данной минуты. Возможность предвидѣнія будущаго имѣетъ единственнымъ возможнымъ основаніемъ общіе законы, какъ народной психологіи, такъ и соціальной науки. Нѣкоторые поддерживали также явный парадоксъ, будто бы легче предсказать будущее, болѣе отдаленное, чѣмъ то, которое еще достаточно близко къ данному времени, такъ что оно находится еще во власти его взглядовъ. Стюартъ Милль несомнѣнно придавалъ слишкомъ большое значеніе психологіи, которая не является единственною причиною и представляетъ собою только одинъ изъ элементовъ вопроса; тѣмъ не менѣе вѣрно, что для предвидѣнія человѣческихъ событій, психологія, въ связи съ физіологіею, служитъ базисомъ, гораздо болѣе надежнымъ, чѣмъ все прочее; потому что она позволяетъ установить законы и причины. Предсказанія основанныя на чисто эмпирическихъ наблюденіяхъ, на статистикѣ, даже на исторіи, не покоются на знаніи причинъ, обусловливающихъ явленія; ихъ справедливо сравнивали тоже съ эмпирическими предсказаніями затменій древними астрономами. На основаніи многочисленныхъ наблюденій, халдеи замѣтили, что существуютъ опредѣленные промежутки времени, къ концу которыхъ происходятъ затменія почти всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ; хотя они не знали истинныхъ причинъ, не имѣли возможности произвести исчисленій, тѣмъ не менѣе имъ часто удавалось предсказать для мѣста, гдѣ они находились, наступленіе затменія. Современный астрономъ не нуждается въ статистикѣ; онъ знаетъ причины, онъ исчисляетъ ихъ слѣдствія, и звѣзды ему говорятъ, какъ Іеговѣ: вотъ я. Но астрономія, такъ прельщавшая Стюарта Милля, обязана своею точностью очень ограниченному количеству элементовъ, изучаемыхъ ею, равно какъ относительному постоянству этихъ элементовъ, измѣ-

няющихся только съ крайнею медленностью. Тѣмъ не менѣе для одной только теоріи солнца Леверрье потребовалось 12 томовъ in folio вычисленій. Въ психологіи обществъ замѣчается гораздо большая запутанность, чѣмъ даже въ млечномъ пути.

Науку о характерахъ нужно сравнивать не съ астрономіею, какъ это думалъ Милль, а съ естественною исторіею. Въ естественной исторіи различается изученіе функцій (физіологія) и изученіе типическихъ формъ (морфологія); и вы напрасно бы стали искать въ общей физіологіи объясненія, почему волкъ имѣетъ такую-то форму, а лисица—такую-то. Много принциповъ способствовали образованію видовъ, какъ и индивидуумовъ: естественный подборъ, случайности, наслѣдственность и т. д. Какъ бы ни ушли ученики Дарвина впередъ сравнительно со старой «естественной исторіей», искавшей ключи въ спеціальномъ твореніи, они еще недостаточно ушли впередъ для того, чтобы предсказывать будущую фауну или флору земного шара. Извѣстно, что садоводы (какъ, напр., де-Вильморинъ) и скотоводы безпрестанно поражаются непредвидѣнною «игрою» природы. Нѣкоторые виды покорно воспроизводятъ типъ расы; другіе «разрѣшаются странными капризами». Почему? Они не могутъ этого объяснить. Если вы знаете отца и мать ребенка и даже его дѣдушку и бабушку, вы можете легко предвидѣть, что ребенокъ будетъ походитъ на нихъ нѣкоторыми своими чертами; но сможете ли вы, хотя бы приблизительно, нарисовать его лицо? Отъ впечатлѣнія голубого и желтаго цвѣтовъ вы никогда не выведете впечатлѣнія зеленаго цвѣта; изученіе характеровъ,—особенно характеровъ національныхъ,—даетъ такого же рода сюрпризы.

Одинъ изъ наиболѣе выдающихся психологовъ современной Англіи, Джемсъ Уордъ указываетъ на то, что въ астрономіи, какъ и въ физикѣ и химіи, нѣтъ собственно индивидуумовъ, а есть только аггрегаты частей: духъ, напротивъ, есть единство *sui generis*. Каждый человѣкъ, по своему поведенію и характеру, представляетъ собою въ извѣстномъ смыслѣ уникумъ; одни и тѣ же обстоятельства никогда не бываютъ «одними и тѣми же» для двухъ любыхъ лицъ; два человѣка смотрятъ на міръ разными глазами. Чтобы предвидѣть, какъ того хочетъ Стюартъ Милль, вліяніе обстоятельствъ на умы,—нужно было бы, такимъ образомъ, знать, какъ эти обстоятельства предоставляются имъ, а это «личное уравненіе», по большей части, недоступно для нашей науки. Какъ говоритъ Джемсъ Уордъ,—стремиться вывести различія животныхъ изъ однихъ только физіологическихъ законовъ было бы такъ же разумно, какъ выводить многочисленныя различія человѣческаго характера исключительно изъ основныхъ законовъ психологіи. Зоологія и ботаника, безъ сомнѣнія, могутъ дать кое-что для объясненія разныхъ формъ, но помимо нихъ, должны быть примѣнены и общіе принципы. «Было бы такъ же мудро стремиться понять Шекспира на основаніи изученія тайнобрачныхъ, какъ хотѣть отыскать смыслъ исторіи на основаніи небольшого числа общихъ предположеній, изъ коихъ будто бы могутъ быть выведены всѣ однообразія, существующія во вселенной».

Однако, мы опасаемся, что и Джемсъ Уордъ, критикуя Стюарта Милля, самъ впалъ въ противоположную крайность, и что, подобно Шопенгауеру, онъ составилъ себѣ слишкомъ мистическое представле-

ніе объ индивидуальности. Индивидъ, безъ сомнѣнія,—«нѣчто неисповѣдимое», но вовсе не потому, что онъ—нѣчто простое. Напротивъ, сознательная индивидуальность развиваетъ безконечное,—она есть точка зрѣнія, подъ которой представляется ей весь міръ, болѣе сложный, чѣмъ туманность Ріона. Сверхъ того, какъ бы ни были различны и оригинальны личности, нужно однако признать, что онѣ всѣ входятъ въ извѣстное число классовъ, которые именно и представляютъ собою типы характеровъ. Стюартъ Милль былъ абсолютно неправъ, полагая, что въ нѣдрахъ націи различія характеровъ обыкновенныхъ индивидуумовъ нейтрализуются въ широкой мѣрѣ. Доказательствомъ этому служитъ то, что французская наука и англійская, напримѣръ, представляетъ всегда одни и тѣ же контрасты характера, несмотря на измѣненія, выработавшіяся постепенно въ ихъ исторіи. Единственная ошибка Стюарта Милля состояла въ томъ, что онъ примѣнилъ это соображеніе и къ выдающимся индивидуумамъ. Вѣрно, что геніи не нейтрализуются взаимно въ данномъ вѣкѣ, такъ какъ не было другого Цезаря, другого Лютера равной силы и противоположнаго расположенія; но Стюартъ Милль думаетъ, что въ теченіе достаточно длинныхъ періодовъ, напримѣръ, нѣсколькихъ вѣковъ, эти «случайныя комбинаціи могутъ быть устранены». Разсуждать такимъ образомъ—значитъ забывать, что свойство генія именно введеніе новаго и непредвидѣннаго. Эти «счастливыя случайности», подобныя появленію новаго вида изъ неожиданной комбинаціи прежнихъ зародышей, нельзя предсказать, на основаніи нашихъ неточныхъ вычисленій.

Въ исторіи народовъ, впрочемъ, обстоятельства играютъ иногда значительную роль. Раса фуфозовъ, говоритъ Катрфажъ, была ниже расы кро-маньоновъ: первая не умѣла ни стрѣлять изъ лука, ни рисовать; вторая прекрасно рисовала и владѣла лукомъ и стрѣлою. Но первая знала гончарное ремесло; вторая его не знала: отсюда множество преимуществъ расы, слывшей низшею и обладавшею менѣе развитымъ черепомъ. Древніе перуанцы достигли въ земледѣліи, керамикѣ, архитектурѣ и въ устройствѣ улицъ и путей сообщенія высокой степени цивилизаціи, но они не имѣли понятія о письмѣ: отсюда глубокая пропасть между ними и европейскими цивилизаціями. Допустимъ, вмѣстѣ съ Тардомъ, что порохъ былъ открытъ во времена римлянъ (въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго) или компасъ, или книгопечатаніе,—тогда видъ древняго міра и настоящаго былъ бы совсѣмъ инымъ, и средніе вѣка, навѣрное, не существовали бы. Варвары, несмотря на свои «прекрасные длинные черепа», нашли бы о чемъ говорить; и если бы они утвердились въ извѣстной мѣстности, книги скоро развили бы ихъ до высшаго уровня. Можно такимъ образомъ сказать вмѣстѣ съ Тардомъ, что случайность, въ видѣ геніальныхъ изображеній, или простой случай, приводящій къ открытіямъ, имѣли громадное значеніе въ эволюціи обществъ. Дарвинъ часто говорилъ о счастливыхъ случайностяхъ; онъ могъ преувеличить ихъ важность или господство, но не подлежитъ сомнѣнію, что они играютъ важную роль въ естественной исторіи и еще болѣе важную въ исторіи соціальной. Вѣтеръ заноситъ случайно черезъ море зерна растеній и роняетъ ихъ на островѣ или континентѣ, болѣе или менѣе отдаленномъ; вотъ—новый видъ, введенный простой случайностью;

Тардъ резонно замѣчаетъ, что наблюдаются аналогичныя зарожденія и въ соціальной средѣ.

Итакъ, даже тогда, когда разсматриваешь цѣльные народы, имѣющіе вполнѣ опредѣленный характеръ, можно сдѣлать только самыя общія и неточныя предсказанія. Колесо исторіи никогда не возвращается къ тому же пункту; исторія не повторяется; прогрессъ нашихъ обществъ есть «величественная драма», у которой мы можемъ заимствовать достаточно ума для того, чтобы достойно выполнить свою роль, но развязку которой предсказать мы не въ состояніи. Мы не можемъ даже, говоритъ Уордъ, пользуясь методомъ Милля, вывести *настоящее* изъ прошедшаго; какимъ же образомъ предвосхитить и составить себѣ представленіе о будущемъ? Въ области чувства человѣкъ ненасытенъ; въ немъ пробуждаются все новыя и новыя потребности, не существовавшія до удовлетворенія старыхъ; въ области науки каждый шагъ впередъ открываетъ все новые горизонты, выдвигаетъ новыя проблемы, которыя и не предполагались раньше, побуждаетъ къ такимъ предпріятіямъ, о которыхъ прежде и не мечтали. Стюартъ Милль, вмѣстѣ съ Огюстомъ Контомъ, допускаетъ, что человѣческій прогрессъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ прогресса интеллектуальныхъ познаній (они упускаютъ изъ виду религію, искусство, даже обычаи, которые тоже являются важными данными); кто же можетъ предвидѣть прогрессъ науки, а слѣдовательно, и интеллектуальныхъ завоеваній и всего того, что отъ нихъ зависитъ?

Мы можемъ вывести заключеніе, что въ исторіи народовъ есть два неподдающихся вычисленію элемента: съ одной стороны, индивидуальные или коллективные характеры, съ другой, прогрессивное открытіе общихъ законовъ. Какъ субъективно, такъ и объективно непредвидимое существуетъ, и соціальная антропологія, основанная на апріорномъ знаніи характеровъ, представляется химерою.

Но, не приписывая психологіи дара предвидѣнія, о чемъ мечталъ Стюартъ Милль, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать ея пользы для соціальной науки; истинная юриспруденція, истинная политика и истинная экономія должны быть только ея примѣненіями. Даже общественная мораль и національная педагогика имѣютъ среди своихъ основъ и изученіе національнаго характера.

Наконецъ, психологія народовъ открываетъ новые горизонты исторіи. Собственно исторія есть подготовка матеріаловъ для общей науки объ обществѣ, которая должна изучать послѣднее не только въ его прошломъ, но и въ жизненныхъ законахъ, опредѣляющихъ всю его эволюцію; мы уже выдѣли, что среди этихъ законовъ, психологическіе законы характера занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Стремясь сдѣлаться научною, исторія стремиться быть только приложеніемъ къ соціальной психологіи и частью къ соціальной наукѣ. Какъ описаніе фактовъ и даже какъ критика доказательствъ, она есть просто работа по собиранію матеріаловъ, орудіе изысканій; она содержитъ сознательный опытъ человѣчества, но это не есть еще настоящая наука: она становится ею тогда, когда выводятся соціальные законы. Соціологическая исторія не изучаетъ болѣе *ad narrandum* или *ad probandum*, но, какъ выразился Фюстель-де Куланжъ, *ad intelligendum*. Каждое изъ существовавшихъ обществъ было въ

своемъ родѣ живымъ существомъ; историкъ долженъ не только описывать ихъ жизнь, но и объяснять ее. Онъ показываетъ, какъ функціонируютъ органы, которыми жили общества, т. е. знакомитъ съ ихъ правомъ, политическою экономіею, религіею, философіею, моралью, наукою, искусствами, привычками, съ ихъ пониманіемъ и практикою жизни. Итакъ, ясно, что историкъ-соціологъ долженъ изучать характеръ народовъ, ихъ физическую среду, интеллектуальную, моральную, наконецъ, ихъ соціальную среду и ихъ отношенія къ другимъ народамъ. Исторія, говоритъ Гумпловичъ, не есть произведеніе ни Бога, ни человѣка, она есть продуктъ природы; утверждать противное—значитъ забыть, что человѣкъ и общество продукты природы, вѣнцомъ которой они являются. Поэтому, не одною только природою, но природою и человѣкомъ, исторія должна объяснять ходъ развитія человѣчества. Не заходя такъ далеко, чтобы утверждать, вмѣстѣ съ Лацарусомъ, что бытіе народовъ не покоится на объективномъ и чисто естественномъ отношеніи—единствѣ расы, общности языка и т. п.,—мы должны отмѣтить, что субъективныя отношенія и соціальная зависимость пріобрѣтаютъ все бо́льшее значеніе: народъ прежде всего есть совокупность людей, которые сами разсматриваютъ себя, какъ народъ,—«духовное созданіе тѣхъ, которые безпрерывно создаютъ его»; *его сущность въ его сознаніи.*

Книгоиздательство „Кадима“ въ Одессѣ.

Вышли и поступили въ продажу слѣдующія изданія:

ФАКТОРЫ НАЦІОНАЛЬНАГО ХАРАКТЕРА
Альфреда Фулье, цѣна 10 коп. (перес. 2 коп.).

СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ КОЛОНИЗАЦІИ
д-ра Ф. Оппенгеймера, цѣна 12 коп. (перес. 4 коп.).

АХАДЪ-ГААМЪ и ЕГО ТЕОРІЯ
(съ біографіей и портретомъ Ахадъ-Гаама)
д-ра І. Клаузнера, цѣна 20 коп. (перес. 4 коп.).

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССІИ
д-ра Д. Пасманика, цѣна 15 коп. (перес. 4 коп.).

ЕВРЕЙСКОЕ ВОСПИТАНІЕ
Владиміра Жаботинскаго, цѣна 5 коп. (перес. 2 коп.)

ДОКТОРЪ ГЕРЦЛЬ *его-же, цѣна 10 к.* (перес 4 к.).

КОЛОНИЗАЦІЯ ПАЛЕСТИНЫ
профессора О. Варбурга, цѣна 8 коп. (перес. 2 коп.).

СРЕДИ ЕВРЕЙСКАГО ПРОЛЕТАРІАТА
д-ра С. Р. Ландау, цѣна 15 коп. (перес. 4 коп.).

„БОЛЬШАЯ“ и „МАЛАЯ“ КОЛОНИЗАЦІЯ
д-ра З. Соскина, цѣна 6 коп. (пересылка 2 коп.).

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ПРОРОЧЕСТВО О ПОГРОМѢ *Х. Н. Бялика.* Переводъ и предисловіе *В. Жаботинскаго.*
НАЦІОНАЛИЗМЪ и СОЦІАЛИЗМЪ съ предис. *д-ра Д. Пасманика.*
СЕДЬМОЙ КОНГРЕССЪ. ОТЧЕТЪ.
АХАДЪ-ГААМЪ *(У. Гинцбергъ).* Собраніе сочиненій.
ЕВРЕЙСКІЕ НОВЕЛЛИСТЫ. Сборникъ разсказовъ.
СТЕНОГРАФИЧЕСКІЕ протоколы Сіонистск. конгрессовъ.
ШПРИНГЕРЪ. Національная борьба въ Австріи.
Б. ГОЛЬДБЕРГЪ. Государст. дума и еврейскій народъ.
В. ЖАБОТИНСКІЙ. Еврейскій союзъ.
„ Автономизмъ и сіонизмъ.
„ О погромахъ.
Б. ЛАЗАРЬ. Антисемитизмъ и революція.
ПРОГРАММЫ чтеній Сіонистск. кружк.

1. Всѣ вышедшія изъ печати книги и брошюры высылаются по первому требованію и при заказѣ не менѣе чѣмъ на 3 руб. наложеннымъ платежемъ безъ полученія задатка, при чемъ за пересылку не платятъ.
2. Заказы на сумму меньшую 3-хъ рублей выполняются только по полученіи впередъ стоимости заказа (можно почтовыми марками) съ прибавленіемъ денегъ за пересылку.
3. При запросахъ просятъ прилагать марку или открытое письмо для отвѣта.

Адресъ для всякаго рода корреспонденціи:
Книгоиздательству „КАДИМА“ Одесса.

BRIGHAM YOUNG UNIVERSITY
3 1197 20376 2346